

Джой
АДАМСОН

Рожденная свободной

Annotation

Известная писательница, биолог-натуралист и художница Джой Адамсон рассказывает о судьбе львицы Эльсы и ее детенышей. Автор описывает свою жизнь и работу в заповеднике Кении.

- [Джой Адамсон](#)
  - [Глава первая](#)
  - [Глава вторая](#)
  - [Глава третья](#)
  - [Глава четвертая](#)
  - [Глава пятая](#)
  - [Глава шестая](#)
  - [Глава седьмая](#)
  - [Глава восьмая](#)
  - [Глава девятая](#)
  - [Глава десятая](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)

◦ [16](#)

Джой Адамсон
Рожденная свободной

Глава первая

ЛЬВЯТА

Много лет прожила я в Северной пограничной провинции^[1] Кении. Эта пустынная, заросшая колючим кустарником область простирается от горы Кения на юге до границы с Эфиопией и занимает площадь больше трехсот тысяч квадратных километров.

Цивилизация мало повлияла на эту часть Африки. Фермеров тут не было, а местные племена жили почти так же, как их предки. Животный мир этого края богат необычайно.

Мой муж Джордж был старшим инспектором по охране диких животных. Жили мы на юге провинции, поблизости от Исиоло, небольшого городка, где было десятка три европейцев — чиновников колониальной администрации.

Кроме охраны животных и борьбы с браконьерством, Джордж еще должен был заботиться об уничтожении опасных зверей, нападающих на местных жителей. По делам службы ему часто приходилось совершать дальние поездки — мы их называли сафари. Если было возможно, он всегда брал меня с собой, и я смогла хорошо узнать этот дикий, девственный край с его суровой жизнью, где законы утверждает природа.

С одного сафари и начинается наша история. Левлюдоед убил человека из племени боран. Джорджу сообщили, что хищник вместе с двумя львицами обитает на холмах по соседству с деревней, где жил погибший. С убийцей надо было расправиться, и вот мы разбили лагерь к северу от Исиоло на территории племени боран.

Утром 1 февраля 1956 года я была одна в лагере вместе с Пати — даманом, который жил у нас уже шесть с половиной лет. С виду даман похож на сурка или морскую свинку, однако зоологи считают, основываясь на строении его ног и зубов, что он ближе всего к носорогам и слонам.

Пати лежала у меня на плече, точно мягкий меховой воротник. Надежное прибежище, и все видно. Кругом сухая равнина, лишь кое-где торчат гранитные утесы да реденькие кусты. Но животных было много, особенно жирафовых антилоп и других газелей.

Вдруг послышался шум мотора. Видимо, это Джордж вернулся, притом гораздо раньше, чем предполагалось. Вскоре из-за колючих кустарников выскочил лендровер и остановился возле палаток. Я услышала голос Джорджа.

— Джой, ты где? Иди сюда, скорей, посмотри, что я тебе привез!

С Пати на плече я выбежала из палатки и увидела львиную шкуру. Но прежде чем я успела спросить, как прошла охота, Джордж указал на заднее сиденье машины. Там, пряча мордочки в лапах, лежали три львенка, три пятнистых, пушистых комочка. Им было всего несколько недель от роду, глаза еще затягивала голубоватая пленка. И хотя малыши даже не умели как следует ползать, они попытались уйти от меня. Я взяла их на руки и стала успокаивать. А Джордж рассказал, что произошло.

Под утро его и Кена, тоже инспектора, привели к тому месту, где залег людоед. Когда рассвело, из-за скал вдруг появилась львица и бросилась на них. Им совсем не хотелось убивать ее, но львица наступала, а отходить было опасно, и Джордж велел Кену стрелять. Раненая львица быстро куда-то скрылась. Кровавый след тянулся вверх по пригорку. Они осторожно поднялись на гребень, Джордж взобрался на большую

плоскую глыбу, чтобы лучше было видно, а Кен двинулся в обход. По пути он заглянул под камень, остановился, вскинул ружье и выстрелил из обоих стволов. Раздался грозный рев, и прямо на него прыгнула львица. Джордж не мог стрелять — он боялся попасть в Кена. Но, к счастью, один из следопытов стоял на более удобном месте. Он выстрелил, львица метнулась в сторону, и тут Джордж добил ее. Это было крупное, сильное животное с грузными сосками. И Джордж понял, почему львица так храбро и решительно вела себя. Как же он раньше не сообразил, что она защищает свое потомство!

Джордж велел искать львят. Вдруг из расщелины в каменной глыбе донеслись какие-то звуки. Кен просунул туда руку, но не дотянулся. Львята сердито ворчали. Пришлось срезать длинную палку, загнутую на конце, и с ее помощью детенышей все же удалось извлечь из расщелины. Им было от силы две-три недели. Малышей отнесли в машину. Всю дорогу до лагеря два львенка покрупнее рычали и шипели. Зато третий, самый маленький, вел себя так смиренно, словно ничего не произошло. И вот теперь они все трое лежали у меня на коленях, а я не могла ими налюбоваться.

К моему удивлению, Пати, которая всегда очень ревниво относилась ко всем возможным соперникам, спустилась с моего плеча и легла вместе со львятами, предлагая им свою дружбу. С первого же дня они стали неразлучны. Вначале Пати превосходила размерами львят. Шестилетний даман с чувством превосходства глядел на неуклюжие шелковистые комочки, которые и ходить-то как следует не умели.

Только на третий день львята стали пить разведенное сухое молоко, а до тех пор, сколько я им его ни предлагала, они только морщили носики и отвечали нечто вроде «нг-нг, нг-нг», как мы делали в детстве, пока не научились говорить «нет, спасибо».

Но стоило им один раз отведасть нашего угощения, как у них появился неутолимый аппетит. Каждые два часа я должна была подогреть молоко и мыть резиновую трубку, которая заменяла им соску. Мы уже заказали в ближайшей лавке (до нее было около восьми километров) не только соски, но и рыбий жир, глюкозу и еще сухого молока. И тут же передали SOS за двести пятьдесят километров в Исиоло начальнику администрации района, предупреждая его, что вскоре придут три высокородных младенца и нужно приготовить для них удобный деревянный дворец.

Уже через несколько дней малыши освоились и стали всеобщими любимцами. Пати, их самозабвенная заботливая нянька, честно выполняла свои обязанности. Она обожала подрастающих маленьких тиранов и быстро прощала им все обиды. Все три львенка были «девочки» с ярко выраженной, несмотря на ранний возраст, личностью. Самая крупная относилась к сестрам снисходительно и добродушно. Мы дали ей кличку Большая. Вторая была веселой озорницей. Она колотила лапами по бутылочке с молоком и, когда сосала, сладко жмурилась. Я назвала ее Люстика, что означает «веселая».

Третья, самая маленькая, была самой отважной. Сестры всегда посылали ее на разведку, когда замечали что-нибудь подозрительное. Я назвала ее Эльсой по имени одной моей знакомой, которую она мне чем-то напоминала.

В естественных условиях Эльса вряд ли стала бы равной в прайде.^[2] У львицы чаще всего рождаются четверо детенышей. Один из них, как правило, умирает сразу. Другой, обычно очень слабенький, тоже вскоре погибает. Вот почему почти всегда встречаются львицы с двумя львятами. Мать растит детенышей до двухлетнего возраста. Первый год она кормит их,

отрыгивая пережеванную пищу. На втором году жизни детеныши начинают участвовать в охоте. Если они ведут себя недостаточно сдержанно, мать строго их наказывает. В этом возрасте львята сами не могут убить животное и довольствуются остатками от трапезы взрослых. А остаются нередко одни лишь крохи, так что вид у львят бывает довольно жалкий. Подчас голод берет верх, и тогда они с риском для жизни пробуют урвать кусок у взрослых или отделяются от правды. Но охотиться по-настоящему они еще не умеют, поэтому их подстерегают всякие неприятности. Законы природы суровы, и львы с первых шагов проходят трудную школу.

Большую часть дня наша четверка — Пати и трое львят — проводила в палатке, под моей кроватью. Видимо, там они считали себя в полной безопасности. Может быть, это место напоминало львьятам их «детскую» в расщелине. Они были чистоплотны от рождения и всегда успевали вовремя выбежать на песок. Только в первые дни иной раз приключалась беда. И если лужица оскверняла обитель львят, они мяукали и потешными гримасами выражали свое отвращение. Они всегда очень следили за собой, и от них не было никакого неприятного запаха, разве что иногда чуть-чуть пахло не то медом, не то рыбьим жиром. Их розовые язычки были шершавые, как наждак. Когда малыши немного подросли, можно было даже сквозь одежду почувствовать, как они лижут.

Через две недели мы вернулись в Исиоло. Дворец для высокородных младенцев был уже готов. Львят встретили по-царски, каждый подходил их приветствовать. Особенно им по душе пришлись дети, а также наш садовник — молодой сомалиец Нуру, которому мы присвоили звание главного смотрителя львов. Нуру обрадовался. Во-первых, это почет. Во-вторых, когда малышам надоедало носиться по дому и

саду и они ложились отдыхать в тени под кустами, он мог посидеть несколько часов без забот, следя лишь за тем, чтобы к ним не подобралась змея или бабуины.

Три месяца малыши питались молоком, в которое мы добавляли глюкозу, рыбий жир, костяную муку и немного соли. Вскоре мы заметили, что им достаточно есть каждые три часа, а потом и того реже.

Глаза у львят совсем раскрылись, но они еще не научились определять расстояние и часто промахивались. Чтобы развить у них глазомер, мы давали им для игры мячи и старые автокамеры. Все резиновые предметы и все мягкое и гибкое чрезвычайно занимали их. Особенно увлекательно было отнимать друг у друга камеру. Нападающий пытался оттолкнуть того, кто ею завладел. Если это не помогало, вцеплялся в нее зубами, и начинался спор, кто кого перетянет. Победитель хвастался перед побежденными своим трофеем, вызывая их на новую потасовку. Если они не обращали внимания на провокацию, он клал камеру у них перед самым носом, делая вид, будто не опасается, что ее могут стащить.

Главным во всех этих играх была неожиданность. С раннего возраста они умели очень ловко подкрадываться друг к другу, а также и к нам — инстинкт подсказывал им точные движения.

Нападали всегда сзади. Прижмутся к земле и тихонько ползут к ничего не подозревающей жертве. Стремительный бросок — и нападающий уже всей тяжестью навалился на спину своей жертвы, сбивая ее с ног. Мы, конечно, делали вид, будто ничего не замечаем, когда они атаковали нас. Малыши были счастливы.

Пати тоже участвовала во всех играх, хотя опасалась увесистых ударов и следила за тем, чтобы воспитанники, которые были уже втрое крупнее своей няни, не придавили ее. Она все еще пользовалась

авторитетом. Если львята вели себя чересчур дерзко, достаточно было одного строгого взгляда Пати, чтобы они угомонились. Она обладала завидным мужеством и умела показать львятам, что не боится их. А ведь оружием Пати были только острые зубы, проворство, смекалка и смелость.

Пати жила у нас с самого рождения и очень привыкла к нам. В отличие от своего родича, древесного дамана, она не была ночным животным и спала со мной в постели, обвившись вокруг моей шеи, словно меховой воротник. Питалась она только растительной пищей, зато пристрастилась к спиртному. Причем выбирала самые крепкие напитки. Доберется до бутылки, наклонит ее, вытащит пробку и сосет. Это было очень вредно для Пати и вовсе не украшало ее морального облика, так что мы старались прятать от нее виски и джин. Примечательно, как Пати «ходила в уборную». Скальный даман всегда делает это в одном месте, обычно на краю камня. Дома у нас Пати садилась на край унитаза. Это было препотешное зрелище. Во время сафари лишённая удобств Пати совсем терялась. Пришлось нам смастерить для нее стульчак.

Я ни разу не видела у Пати ни одной блохи, ни одного клеща и поначалу не могла понять, почему она непрестанно чешется. Четыре пальца на передних лапах и три на задних были оснащены круглыми копытцами, точно у крошечного носорога, а палец с внутренней стороны задней лапы кончался когтем. Им она приглаживала свою шубку, и казалось, что она чешется.

У Пати не было хвоста, зато в середине спины выходила железа — белое пятнышко среди пестроватой серой шерстки. Волосы вокруг железы поднимались дыбом, когда зверек пугался или радовался. Чем старше становились львята, тем чаще были взъерошены волосы на спинке Пати: ей приходилось опасаться их

довольно грубых выходок. Им ничего не стоило спутать ее с мячиком, поэтому Пати научилась миглом вскакивать на подоконник, лестницу или еще куда-нибудь повыше. До львят Пати занимала первое место среди наших воспитанников. Тем трогательнее было видеть, как она любит этих озорников, хотя им теперь принадлежало все внимание гостей.

Львята крепки, и им не терпелось испытать свою силу на всем, что попадалось на пути. Ну как не потрепать, не потаскать брезент! И вот они уже волокут его, пропустив между передними лапами. А вырастут, будут так же тащить свою добычу. И еще любимая игра: одна из сестер вскакивала на мешок с картофелем и сидела там, отбивая все налеты, пока кто-нибудь неожиданным толчком в спину не свергал ее с трона. Чаще всего побеждала Эльса. Она умела уловить момент, когда сестры боролись друг с другом.

Отличными игрушками оказались также наши немногочисленные бананы. Их широкие красивые листья скоро превратились в рваную бахрому. А как увлекательно лазить по деревьям! Львята были прирожденными акробатами, но часто забирались чересчур высоко и потом не знали, как слезть. Приходилось их выручать.

Рано утром Нуру выпускал своих подопечных на волю, и они стремглав выскакивали за дверь, давая выход накопившейся за ночь энергии. Это было похоже на старт в собачьих гонках. Как-то раз, выбежав во двор, львята увидели палатку, где спали гости. В пять минут от палатки остались одни клочья. Нас разбудили вопли наших друзей, которые тщетно силились спасти свое имущество. А львята, обезумев от восторга, ныряли в груды вещей и появлялись с трофеями — туфлями, пижамными штанами, обрывками противомоскитной сетки... Пришлось проучить их прутом.

Уложить малышей вечером в «постель» было совсем не просто. Представьте себе трех озорных «девчонок», которые, как все дети, не любят ложиться спать да к тому же бегают вдвое быстрее, чем взрослые, и хорошо видят в темноте. Мы прибегали к хитрости. Например, привязывали к веревочке бумажный пакет и потихоньку тащили к их загону. Львята не могли устоять и кидались ловить пакет.

Ладно бы они еще играли только на воле, но сестрички пристрастились к подушкам и книгам. Опасаясь за нашу библиотеку и другое имущество, мы были вынуждены запретить им входить в дом. На террасе пришлось устроить дверь — сетку из стальной проволоки, натянутой на деревянную раму. Львята обиделись. Чтобы утешить их, мы подвесили на дереве автомобильную покрышку. И пожевать можно, и покачаться! И еще одну игрушку они получили от нас — деревянный бочонок из-под меда, который громко тархтел, когда его катали. Но самым большим успехом пользовался наполненный старыми автокамерами мешок, подвешенный на суку. Они вцепятся в мешок зубами, а мы тянем за веревку и раскачиваем его. Чем громче мы смеялись, тем больше радости было львятам.

Однако никакие игрушки не могли заставить их позабыть о том, что путь на террасу закрыт. Они то и дело подходили к двери и тыкались носами в проволоку.

Как-то вечером мы сидели на террасе с друзьями за рюмкой вина. Наше оживление привлекло львят, но они вели себя на диво скромно, не терлись носом о проволоку и вообще держались на почтительном расстоянии от двери. С чего это они вдруг такие смирные? Я поднялась с места, чтобы посмотреть, в чем дело, и, к своему ужасу, увидела на ступеньках большую плюющуюся кобру. Не обращая внимания ни на львят, ни на нас, змея ползла куда-то по своим

делам. Прежде чем мы успели схватить ружье, она уже скрылась.

Но ни загородки, ни змеи, ни запреты не могли удержать Люстику от попыток пробраться в дом. Она проверяла все двери и быстро научилась нажимать и поворачивать дверные ручки. Только задвижки принудили ее сдаться. Да и то однажды я увидела, как она пыталась отодвинуть задвижку зубами! Застигнутая врасплох, проказница в отместку сорвала с веревки выстиранное белье и утащила его в буш.^[3]

Когда львьятам исполнилось три месяца, зубы у них выросли и окрепли так, что им можно было уже давать мясо. Я резала его на мелкие кусочки, чтобы оно напоминало пищу, которую они получали бы от матери. Много дней львята отказывались притронуться к мясу, гримасничали. Наконец Люстика попробовала новую еду и осталась довольна. Глядя на нее, решились и сестры. С этого дня каждая трапеза сопровождалась потасовкой. Бедняжке Эльсе, которая по-прежнему была самой слабой, почти ничего не доставалось. Тогда я стала приберегать для нее вкусные кусочки и во время кормежки брала ее на руки. Эльсе это очень нравилось. Она мотала головой и жмурилась от удовольствия. Потом брала в рот мой большой палец и передними лапами мяла мне запястье — движение, которым детеныши выжимают молоко из сосков матери. Так зародилась наша нежная дружба. Часто кормежка превращалась в игру, и мне всегда было весело с этими зверятами.

Они были порядочные лентяи. Улягутся удобно — и не сдвинешь. Даже ради самой вкусной мозговой косточки не встанут, а просто подкатятся к ней. Особенно им нравилось, когда я держала кость так, что можно было сосать ее, лежа на спине кверху лапами.

Вылазки в буш часто сопровождались приключениями. Однажды утром я пошла проверить, как подействует на львят глистогонное средство. Они спали недалеко от дома. Вдруг я заметила колонну черных муравьев. Передовые уже подбирались к моим малышам. А надо сказать, что у этих муравьев мощные челюсти и они ни перед чем не отступают. Я уже хотела разбудить львят, но тут колонна свернула в сторону.

А минутой позже малыши сами проснулись, так как мимо проходила пятерка ослов. Львята впервые видели таких крупных животных, но с присущей львам отвагой тотчас ринулись в атаку. Первый успех вскружил им голову, и, когда через несколько дней к нашему дому подошел караван из сорока ослов и мулов, три маленьких львенка обратили всю эту кавалькаду в бегство.

В пять месяцев львята чувствовали себя превосходно и крепили с каждым днем. Жили они на воле и только ночью спали за оградой из камней и песка в своей конуре. Без ограды нельзя было обойтись: ведь вокруг нашего дома бродили дикие львы, гиены, шакалы и слоны.

Чем ближе мы узнавали наших львят, тем сильнее привязывались к ним. Нам трудно было смириться с мыслью, что нельзя навсегда оставить себе всю троицу. Но, как ни печально, с двумя львятами придется расстаться. Лучше всего с самыми рослыми. Они не так зависели от нас, как Эльса, и всегда держались вместе. Наши африканские бои одобрили этот выбор. Когда мы спросили, какого львенка оставить, они в один голос ответили:

— Самого маленького!

Когда Эльса останется одна, будет легче приучить ее не только жить с нами в Исиоло, но и выезжать в сафари.

Большую и Люстику мы устроили в роттердамский зоопарк Блиндорп. Они должны были лететь туда самолетом.

До аэродрома в Найроби было почти триста километров, и мы стали заранее приучать львят к автомашине, каждый день вывозя их на полutorке с оплетенным проволокой кузовом. И даже кормили их в машине, чтобы лучше освоились. А в последний день положили на дно кузова мешки с песком.

Когда мы двинулись в путь, Эльса побежала следом по дороге, потом остановилась и печальным взглядом проводила машину, увозившую ее сестер. Я сидела с ними в кузове. Полагая, что мне в дороге достанется не одна царапина, я захватила с собой все для перевязки. Но мои предосторожности оказались излишними. Первый час львята еще волновались, но потом притихли и улеглись на мешках, обняв меня лапами. Трудно представить себе большую доверчивость. Так мы ехали одиннадцать часов и только дважды останавливались из-за прокола шин.

И вот мы в Найроби. Львята смотрели на меня широко открытыми глазами, словно вопрошая, что означают все эти незнакомые звуки и запахи. А затем самолет навсегда увез их из родной страны.

Через несколько дней мы получили телеграмму: наши львята благополучно прибыли в Голландию. Три года спустя я навестила их. Они встретили меня любезно, разрешили даже погладить, но не узнали. Им жилось хорошо, и я только радовалась, что они, судя по всему, не помнят своего привольного детства.

Глава вторая

ЭЛЬСА ВСТРЕЧАЕТ ДИКИХ ЖИВОТНЫХ

От Джорджа я узнала, что все время, пока я была в Найроби, Эльса нервничала и ни на минуту не расставалась с ним. Ходила за ним как тень, сидела под его письменным столом, когда он работал, ночью спала в его постели. Каждый вечер он выводил ее на прогулку, но в тот день, когда я должна была вернуться, Эльса отказалась гулять. Она села посреди дороги, собираясь ждать меня, и ни за что не хотела уходить. Неужели знала, что я приеду? Если это так, на каком же инстинкте было основано ее предчувствие? Трудно, а то и вовсе невозможно объяснить такие вещи.

Эльса встретила меня восторженно, но мне было больно глядеть, как она всюду ищет своих сестер. Много дней она звала их, вглядываясь в буш, и неотступно ходила за нами, точно боялась, что и мы ее бросим. Чтобы успокоить Эльсу, мы разрешили ей пожить в доме. Львенок спал с нами на кровати, и мы нередко просыпались оттого, что он лизал нас своим шершавым языком.

При первой возможности мы захватили Эльсу с собой в сафари, чтобы отвлечь от поисков и переживаний. К счастью, сафари пришлось ей по вкусу. Как и мы, она отлично чувствовала себя в походе.

Грузовик, на который мы укладывали свою постель и другие мягкие вещи, вполне устраивал Эльсу. Лежать ей было очень удобно, и она видела все, что делалось кругом.

Мы разбили лагерь на крутых берегах Васо-Ньи́ро, среди зарослей зонтичной акации и пальмы дум. В

засушливую пору обмелевшая река лениво несет свои воды к болоту Лориан, образуя в пути несколько стремнин и множество глубоких заводей, изобилующих рыбой.

Недалеко от лагеря подымались каменистые гряды. Эльса рыскала по расщелинам и скалам, потом взбиралась на какой-нибудь утес, с которого открывался вид на буш. Вечером лучи заходящего солнца окрашивали весь край в теплые тона, и Эльса сливалась с рыжими скалами.

Это было лучшее время дня. Спадал зной. Природа и люди облегченно вздыхали. Пурпурные тени вытягивались, сгущались, солнце наконец пряталось, и сумрак сглаживал все складки. Смолкал последний зов какой-то птицы, и во всем мире воцарялось безмолвие. Все ожидали с затаенным дыханием, когда наступит ночь и проснется буш. И вот протяжный вой гиены, будто сигнал к началу охоты.

Мне запомнился один вечер. Я привязала Эльсу к дереву возле палатки и сидела рядом, прислушиваясь к вечерним звукам, а она принялась за ужин. Пати, уютно свернувшись у меня на коленях, поскрипывала зубами. Значит, довольна жизнью. На берегу стрекотала цикада. Восходящая луна смотрелась в морщинистое зеркало потока. Высоко в бархатном небе искрились звезды. Мне всегда казалось, что в нашей провинции звезды вдвое крупнее, чем где-либо. Внезапно послышался гул, точно вдали летел самолет. Это шли к реке слоны. К счастью, ветер был в нашу сторону, так что они не могли нас учуять. Вскоре гул прекратился.

И вдруг совсем явственно — львиное рыканье. Сперва вдалеке, затем все ближе, ближе. Как поведет себя Эльса? А Эльса равнодушно отнеслась к голосу родича. Она отрывала зубами куски мяса и старательно пережевывала их, потом легла на спину кверху лапами

и задремала. Хохотали гиены, тьякали шакалы, звучал великолепный львиный хор...

Стояли очень жаркие дни, и большую часть времени Эльса проводила в воде. Когда солнце и здесь добиралось до нее, она пряталась в камыши на откосе и время от времени шлепалась в речку. Зная, что в Васаньи́ро много крокодилов, мы побаивались за Эльсу, но на нее никто ни разу не напал.

Она постоянно затевала какие-нибудь озорные игры и требовала, чтобы мы в них участвовали. Чуть зазеваешься — и она вмиг обрызгает водой, а то вдруг выскочит из реки и вся мокрая затеет с нами возню на песке, не щадя фотоаппаратов, биноклей, ружей. Особым приемом Эльса шутя валила нас наземь. Ловкий удар лапой по ногам — и ты уже растянулся на песке!

Она очень следила за своими когтями. Точила их о стволы с самой грубой корой, оставляя на ней глубокие борозды. [4]

Выстрелы ее не пугали. Она быстро усвоила, что «бум!» означает мертвую птицу, и очень любила отыскивать и приносить дичь, особенно цесарок. Но птичье мясо ела редко, а перья вовсе в рот не брала. Первая птица всегда принадлежала ей, и она гордо таскала добычу. А если надоест нести, положит птицу на землю у моих ног и смотрит на меня, точно говоря: «Помоги, пожалуйста, понеси немного!» И трусила потом следом за мной, не сводя глаз с добычи в моей руке.

А вот турачи, напоминающие европейских куропаток, ее ничуть не привлекали.

Если попадался слоновий помет, Эльса непременно каталась в нем, даже втирала лапами в шкуру эти «сухие духи». Помет носорогов и многих других травоядных ей тоже нравился, но не так, как слоновий. Мы пытались понять, в чем тут дело. Инстинктивное

желание заглушить собственный запах, чтобы обмануть животных, на которых обычно охотятся львы? Привычка домашних собак и кошек кататься в помете, несомненно, пережиток того же инстинкта. Пометом плотоядных Эльса никогда не «мазалась». Свои собственные надобности она отправляла в сторонке от звериных троп, по которым мы обычно ходили.

Как-то раз, заслышав в зарослях слона, Эльса со всех ног кинулась туда. Слон сердито затрубил, потом вдруг послышалось кудахтанье цесарок. Мы заволновались. Чем все это кончится? Слон почти сразу успокоился, зато цесарки были просто вне себя. Через минуту из кустов выскочила Эльса, а за нею стая сердитых птиц, которые явно решили нагнать на нее страху. Только она захочет присесть, как цесарки обступают ее со всех сторон и поднимают такой гвалт, что поневоле затрусишь дальше. Лишь увидев нас, дерзкие птицы оставили Эльсу в покое.

В другой раз во время прогулки Эльса внезапно остановилась перед кустами занзеврии. Потом подпрыгнула в воздух и поспешно отступила, глядя на нас так, словно хотела сказать: «Почему вы не поступаете как я?»

Тут мы заметили среди острых листьев свернувшуюся в клубок большущую змею! И, конечно, поблагодарили Эльсу за то, что она нас вовремя предостерегла.

Когда мы вернулись из сафари в Исиоло, начался период дождей. Повсюду лужи, ручьи... Эльса ликовала. Она с упоением шлепала по воде, высоко подпрыгивала и приближалась к нам, чтобы обрызгать чудесной грязью! Это было уже чересчур! Пора дать понять Эльсе, что она теперь уже слишком взрослая для таких выходок... Мы вооружились прутиком и сделали ей внушение. Она усвоила урок, и в дальнейшем нам редко приходилось пользоваться прутиком, хотя на всякий

случай мы носили его с собой. Эльса научилась понимать слово «нельзя», оно сдерживало ее, даже когда поблизости бродили соблазнительные антилопы.

Трогательно было видеть, как львица разрывается между охотничьим инстинктом и желанием угодить нам. Пока что она была точно пес: все, что движется, надо преследовать, но инстинкт, повелевающий убивать, еще не развился в ней. Конечно, мы следили за тем, чтобы мясо, которое ей давали, не связывалось в ее представлении с видом живых коз. Гуляя с нами, Эльса встречала много диких животных, но преследовала их лишь потехи ради. Потом она быстро возвращалась к нам и тихо мяукала, рассказывая об увлекательной погоне.

Каких только животных не было по соседству с нашим домом! Много лет мы наблюдали за стадом водяных козлов и антилоп импала. Среди наших «знакомых» было и около полусотни жирафов. Эльса каждый день встречала их, и они ее хорошо знали. Жирафы разрешали ей подкрадываться — подпустят на несколько метров и преспокойно уходят. Семейство ушастых лис привыкло к ней настолько, что мы могли спокойно пройти в двух-трех шагах от норы этих робких зверушек, а лисята продолжали кувыркаться в песке у входа.

А как весело было Эльсе с мангустами!^[5] Эти зверьки, размером не больше ласки селятся в заброшенных термитниках, построенных из очень прочного материала и представляющих собой идеальное убежище. Термитник подымается на несколько метров и весь пронизан ходами, в которых хорошо отсиживаться в полуденный зной. Под вечер потешные маленькие мангусты покидают свою крепость и выходят искать ягоды и червяков. А когда стемнеет, возвращаются домой. Вот в это время мы и проходили

обычно мимо термитника. Эльса садилась возле него, словно замыслив правильную осаду крепости, и подолгу увлеченно смотрела, как эти комичные зверьки то вдруг выглянут из хода, то, тревожно свистнув, снова исчезнут.

Но если Эльса любила подразнить мангустов, то бабуины не прочь были поизводить ее. Они облюбовали неприступную для леопардов крутую скалу неподалеку от нашего дома и ночевали там в тесных расщелинах. Бабуины отправлялись в свою «спальню» перед самым закатом, и тогда вся скала становилась крапчатой. Из надежного укрытия они всячески поносили Эльсу, и та ничего не могла поделать.

Когда Эльса впервые встретилась лицом к лицу со слоном, мы немало переволновались. Ведь у нее не было матери, которая могла бы научить ее остерегаться этих великанов. Слоны считают львов опаснейшими врагами своих слонят и порой безжалостно расправляются с ними.

Это случилось утром. Нуру, как обычно, повел Эльсу на прогулку. Вдруг он примчался домой запыхавшись и сообщил, что Эльса «играет со слоном». Схватив винтовки, мы пошли за ним и увидели большого старого слона, который завтракал, уткнув голову в куст. В это время Эльса, подкравшись сзади, шутя шлепнула его по задней ноге. Ответом на эту дерзость был оскорбленный рев. Слон попятился, вышел из зарослей и ринулся в атаку. Эльса легко увернулась и опять стала подкрадываться к нему. Как ни потешно было глядеть на все это, мы перепугались. Не пришлось бы пустить в ход оружие...

К счастью, игра наскучила обоим довольно скоро. Слон вернулся к своему завтраку, а Эльса легла спать тут же рядом.

В последующие месяцы она не упускала ни одного случая поиграть на слоновьих нервах. А случаев было

много. Наступило то время года, когда в наши края наведывались стада по несколько сот голов. Исполнины отлично разбирались в топографии Исиоло и всякий раз находили те огороды, где кукуруза и брюссельская капуста особенно удались. Но в остальном, несмотря на близость африканских лачуг и оживленное движение на дорогах, они вели себя смирно, не причиняя людям особых хлопот.

Наш дом стоял километрах в пяти от самого Исиоло среди отличных пастбищ, поэтому слоны баловали нас своим вниманием. Их любимым местом было заброшенное стрельбище рядом с нами. Вот почему в разгар «слоновьего сезона» мы соблюдали осторожность во время прогулок. А теперь нужно было думать не только о себе, но и об Эльсе, и мы удвоили бдительность.

Однажды в полдень Нуру и Эльса привели за собой целое стадо слонов. Мы заметили их из окна столовой и попытались привлечь к себе внимание Эльсы, но она уже отвернулась, собираясь идти им навстречу. Потом вдруг присела, с удивлением наблюдая, как два десятка слонов, повернув к стрельбищу, идут в затылок друг другу. Привлеченные запахом, слоны длинной цепочкой выбирались из кустарника, где притаилась львица. Эльса пропустила их мимо себя и медленно пошла следом, вытянув голову и хвост в одну прямую линию. Вдруг замыкающий, огромный самец, мотнул головой и затрубил. Но боевой клич не испугал Эльсу, она продолжала идти за слонами. Мы решили проследить за ними. Они мелькали среди зарослей, но не было слышно ни рева, ни треска ломаемых сучьев — ничего, что говорило бы о стычке. Все-таки мы волновались до тех пор, пока наш львенок не вернулся домой, утратив наконец интерес к своей затее.

Но не все слоны, с которыми встречалась Эльса, вели себя миролюбиво. Как-то раз со стрельбища

донесся страшный шум и топот. Прибежав туда, мы увидели, как Эльса мчится по склону, преследуя слоновье стадо. Один самец все же атаковал ее, но львица оказалась слишком проворной. Слон прекратил погоню и вернулся к стаду.

Немало веселых минут доставляли Эльсе жирафы. Во время одной нашей прогулки она заметила стадо и, дрожа от возбуждения, стала тихонько подбираться к нему. Жирафы смотрели на нее невозмутимо. Эльса взглянула на них, затем на нас, словно желая сказать: «Ну, что вы тут стали, как столбы, мешаете охотиться!» Потом рассердилась и с разбегу повалила меня на землю.

А в тот же день вечером мы забрели прямо в гущу слоновьего стада. Быстро смеркалось, но мы еще различали контуры огромных животных. Для меня всегда было загадкой, как эти великаны могут так бесшумно пробираться через буш. Не успеешь оглянуться, как ты уже в окружении! Так и на этот раз. Они отрезали нам все пути к отступлению. Куда ни глянь — слон. Мы старались как-нибудь отвлечь Эльсу, время было совсем не подходящее для забав. Но едва она их заметила, удержать ее оказалось невозможно. Эльса кинулась в гущу стада, слоны затрубили. Сердце у меня сжалось от страха, потому что в темном буше мы никак не могли выйти из окружения. Наконец удалось найти лазейку, и мы вернулись домой — без Эльсы. Она пришла гораздо позже, очень довольная своими приключениями, и не могла понять, почему я вне себя от тревоги.

Дорожка, ведущая к нашему дому, была окаймлена живой изгородью из эвфорбии, которую животные обычно не трогают. Ветви этого кустарника содержат едкий млечный сок. Если он попадет в глаза, получается болезненное, долго не проходящее воспаление. Звери далеко обходили нашу изгородь,

одни лишь слоны с удовольствием лакомились сочными ветвями, и после их ночных трапез оставались огромные пролысины. Однажды, кормя Эльсу, я услышала, как за кустами топают слоны. Пять великанов увлеченно уписывали изгородь, которая нас разделяла!

Дополнительное разнообразие в жизнь Эльсы внес поселившийся по соседству носорог. Как-то вечером мы возвращались с прогулки, было уже совсем темно. Вдруг она бросилась за домики наших рабочих, поднялся страшный шум. Подбежав, мы увидели, что Эльса стоит лицом к лицу с носорогом. После короткого замешательства носорог сердито фыркнул и помчался прочь. Эльса за ним по пятам.

На следующий день Эльса, Нуру и я опять вышли к вечеру на обычную прогулку и задержались дотемна. Вдруг Нуру схватил меня за плечо, потому что я чуть не наскочила на носорога, который наблюдал за нами из-за куста. Я отпрянула и обратилась в бегство. К счастью, Эльса его не заметила. Она решила, что я с ней играю, и кинулась за мной вслед. Счастливо отделались. Ведь носороги — коварные создания, они нападают на все, включая грузовики и поезда! А на следующий день Эльса отыгралась. Она километра три гоняла носорога по долине. Нуру честно старался не отставать от нее.

В конце концов носорогу надоели эти проказы, и он переселился в более спокойное место.

Мы выработали для Эльсы твердый распорядок дня. С утра, пока еще было прохладно, ходили на стрельбище полюбоваться грандиозными антилопами импала, послушать птичий хор. Как только рассветало, Нуру вел Эльсу на прогулку в буш. Энергия распирала львицу, она гонялась за всем на свете, даже за собственным хвостом.

С началом дневного зноя они прятались в тень под какое-нибудь дерево. Эльса спала. Нуру читал Коран и

пил чай. Для защиты от диких зверей Нуру всегда носил с собой ружье, но он строго соблюдал наше наставление: сперва покричать, потом стрелять. Он очень привязался к Эльсе и ревностно о ней пекся.

Потом они возвращались домой, и мы принимали дежурство. Сперва Эльса выпивала молоко, затем шла с нами на прогулку. Она лазила по деревьям, точила когти, ловила упоительные запахи, подкрадывалась к газелям Гранта или жирафовым антилопам, которые охотно играли с нею в прятки. Очень любила Эльса возиться с черепахами, она катала их, словно мяч. Но больше всего она любила играть с нами. Ей хотелось, чтобы мы, ее «прайд», непременно участвовали во всех ее проделках и забавах.

Вечером с наступлением темноты мы приводили Эльсу домой, на ее площадку, где она получала ужин — сырое мясо, чаще всего баранину или козлятину. Ребра и хрящи тоже входили в ее меню. Я держала в руках кость, а она грызла ее так, что на лбу у нее перекатывались тугие желваки. Потом я извлекала из костей мозг, а Эльса, стоя на задних лапах, облизывала мои пальцы. Пати сидела на подоконнике и спокойно смотрела на нас. Она ведь знала, что скоро придет ее черед завладеть хозяйкой. Я лягу спать, и она займет свое место у меня на шее.

Но до тех пор оставалось еще несколько часов, которые я проводила с Эльсой — играла с нею, рисовала ее, иногда читала. Это были часы нашей самой душевной близости. Мне кажется, именно в это время, когда Эльса, сытая, довольная, дремала, посасывая мой большой палец, в ней крепла любовь к нам. Только в лунные ночи она вела себя беспокойно, металась взад и вперед вдоль изгороди, ловя трепещущими ноздрями таинственные ночные запахи. Когда Эльса нервничала, ее лапы становились

влажными. Часто было достаточно потрогать их, чтобы узнать ее настроение. [\[6\]](#)

Глава третья

ПУТЕШЕСТВИЕ ЭЛЬСЫ К ИНДИЙСКОМУ ОКЕАНУ

Эльсе исполнился год. У нее сменились зубы, причем я выдернула ей один молочный клык, и она терпеливо перенесла операцию, даже не дернула головой. Кости она обгладывала не резцами, а коренными зубами, помогая себе шершавым, покрытым жесткими сосочками языком. У нее была обильная, насыщенная солями слюна.

А Пати старела, и я заботилась о том, чтобы ей было как можно спокойнее.

Подошло время нашего отпуска. Мы решили отдохнуть на берегу моря, недалеко от границы Сомали, по соседству с рыбацкой деревушкой. Идеальное место для Эльсы. Наш лагерь будет далеко от людей, на самом берегу, а захочется тени — сразу за песчаным пляжем начинается кустарник.

С нами поехали двое наших друзей — молодой служащий Дон и гостящий у нас австрийский писатель Герберт.

Дороги были скверные, переезд занял три дня. Я ехала с Эльсой на грузовике и с привалов снималась первая. За мной следовали оба лендровера. Пати была на попечении Джорджа. На сухих песчаных равнинах, по которым пролегал наш путь, было очень жарко.

В одном месте дорога затерялась в паутине верблюжьих следов, и, когда стало темно, я сбилась с пути. А тут еще кончился бензин. Мне оставалось только ждать и надеяться, что Джордж обнаружит мой след. Прошло несколько часов, прежде чем я заметила вдали его фары. Он сказал, что они разбили лагерь в

нескольких километрах и надо поспешить туда: Пати заболела, у нее тепловой удар. Он дал ей немного коньяку, но сомневался, что она выживет.

Эти километры показались мне нескончаемыми. Когда мы добрались до лагеря, Пати была без сознания. Потом она очнулась, даже узнала меня, попыталась скрипнуть зубами, выражая свою любовь ко мне. Это были ее «последние слова». Сердце Пати еле билось. Вот она вздрогнула, вытянулась... Это конец.

Пати умерла.

Я держала ее на руках. Маленькое тельце долго не остывало.

Я вспоминала, сколько радости доставила она мне за семь с половиной лет. Вспоминала многочисленные сафари, в которых Пати была моей верной спутницей. Вместе мы добывали у озера Рудольф, где ей очень докучала жара, и на берегу океана. Мы подолгу катались на утлой дхоу, ездили в долину Сугута и к горе Кении. Ее вересковые склоны пришлись Пати очень по вкусу. Когда мы путешествовали по кручам горы Ньиру, Пати очень ловко цеплялась за спину мула. Я делала зарисовки племен Кении. И где только мы не разбивали лагерь! Порой у меня месяцами не было другого товарища.

А как кротко она относилась к всевозможным зверятам — белкам, мангустам, которые жили в нашем доме, как любила наших львят. Когда мы ели, Пати сидела возле моей тарелки и осторожно брала у меня из рук лакомые кусочки.

Я очень привязалась к Пати.

И вот я заворачиваю ее в кусок ткани, обматываю поверх сбрую с поводком и рою могилу рядом с лагерем. Ночь душная, лунный свет чуть побелил темные складки на просторной равнине. Мир, тишина...

Наутро мы отправились дальше. Хорошо, что скверная дорога не позволяла задумываться.

На место прибыли вечером. Нас встретили рыбаки. Они рассказали, что какой-то лев причиняет им много хлопот. Чуть не каждую ночь он уносит коз. Они надеялись, что Джордж расправится с разбойником.

Было поздно разбивать настоящий лагерь, и мы устроились спать под открытым небом. Нас было десять человек. Как единственная женщина, я поставила свою раскладушку чуть поодаль. Эльса была заперта в грузовике рядом со мной. Вскоре все, кроме меня, уснули. Вдруг я услышала странный звук, словно по земле что-то волокли. Зажгла фонарик... В нескольких метрах от моей кровати стоял лев, он держал в зубах шкуру антилопы, которую мы застрелили в тот вечер.

В первый миг я решила, что это Эльса, но она лежала на своем месте в машине. Я снова перевела взгляд на льва. Он зарычал, не сводя с меня глаз.

Я медленно двинулась к Джорджу. И сделала глупость, повернувшись к зверю спиной. Нас разделяли каких-нибудь несколько шагов. Я почувствовала, что он идет за мной, тогда я быстро обернулась и направила луч фонаря ему в морду. Прикинула расстояние — метров семь-восемь. Пятясь, я отступила к кроватям, на которых храпели мужчины. Проснулся только Джордж. Я сказала, что за мной крадется лев, он не поверил.

— Ерунда! Наверно, гиена или леопард.

Все-таки он встал с кровати, взял винтовку и почти сразу же увидел светящиеся глаза, а затем услышал ворчание. Джордж не сомневался, что это тот самый разбойник, о котором нам говорили. Он подвесил на дереве метрах в тридцати от машины кусок мяса и стал ждать.

Вскоре в том месте, где мы устроили кухню, загремела посуда.

Джордж тихонько обогнул машины, поднял винтовку и одновременно зажег фонарик. Лев сидел между кастрюлями, уписывая остатки нашего обеда.

Джордж нажал спуск — осечка! Нажал снова — опять осечка! Забыл зарядить ружье. Лев не спеша удалился. Сконфуженный, Джордж сходил за патронами и вернулся в засаду.

Прошло довольно много времени, прежде чем он услышал, что кто-то тянет приманку. Джордж включил фары автомобиля, яркий свет озарил льва. Грянул выстрел. В самое сердце! Лев был молодой и безгривый. Подвид типичный для побережья.

Утром мы по следам определили, что произошло ночью. Сперва лев утащил шкуру антилопы и закусил ею метрах в двадцати от моей кровати. Насытившись, он обошел весь наш лагерь.

Эльса внимательно наблюдала за событиями, но не издавала ни звука.

Как только вошло солнце, мы повели ее на берег знакомиться с Индийским океаном. Был прилив. Поначалу львица оробела от рокота и плеска волн. Осторожно понюхала воду, куснула пену, окунула морду, чтобы напиться... И скорчила гримасу, набрав в пасть соленой воды. Мы начали купаться. Глядя на нас, Эльса тоже решила войти в море. Она сразу пристрастилась к купанию. Ей всегда нравились лужи и ручьи, здесь же был настоящий рай. Она отлично плавала, окунала нас с головой, брызгала, колотя по воде хвостом, — словом, не давала нам покоя до тех пор, пока не удостоверилась, что мы наглотались соленой водички.

Эльса привыкла всюду следовать за нами, поэтому, когда остальные уходили ловить рыбу, я оставалась на берегу. Иначе львица поплыла бы за лодкой.

Здесь рифы славятся на всю Кению красивейшими коралловыми рыбками. С масками и подводными ружьями мы ныряли в чудесный мир кораллов. Одни кораллы напоминали пагоды, другие — мозг великана, третьи были словно огромные грибы,

расписанные пурпурными цветочками или изумрудными зигзагами. Течение колыхало завесы ярких водорослей, среди которых укрывались стайки рыбешек. Плывя вдоль глубоких ложбин, мы попадали в темные гроты, заглядывали в сумрачные туннели, откуда навстречу нам выскакивали любопытные коралловые рыбки, явно озабоченные нашими габаритами. Ведь под водой все кажется чуть не вдвое больше.

Мы видели рыб в красную полоску, напомиавших дикобразов. Их плавники были совсем как веера, и они порхали над кораллами, будто бабочки. У золотых в голубую крапинку рыбок, похожих на коробочки, над глазами торчал рог. Попадались синие рыбки с желтой картой Африки на плоских боках, сновали цветные «шахматные доски» и «зебры». Некоторые рыбы были будто в масках, а их длинные плавники напоминали шлейфы. Иные во время опасности раздувались и превращались в ежей, у других позади спинного плавника как бы выдвигался дюймовый штык. На дне, сливаясь с песком, лежали рыбы, плоские, как камбала. А рядом, приоткрыв створки, торчали огромные моллюски — смертоносные живые капканы. Возле самого рифа неподвижно — если не считать янтарных глаз, которые пристально следили за всем, — стояла ядовитейшая рыба-дьявол, пряча свое грозное оружие под ярко-красной бахромой. Самой легкой добычей были омары в жестком шиповатом панцире. Наполовину укрывшись под камнем, они словно ждали, когда стрела пронзит их панцирь между глазами. Длинные усики настороженно колыхались в воде. Актинии, эти причудливые «цветы», безжалостно расправлялись с мелкими тварями, которые подходили слишком близко к их непрерывно движущимся щупальцам. К счастью, ядовитые скаты были проворнее нас. Они молниеносно исчезали, прежде чем мы успевали различить на песке их крапчатые спины.

Пока мы парили в мерцающем мире переменчивых красок и причудливых созданий, Эльса под чьим-нибудь присмотром отдыхала в манграх возле лагеря. Рыбаки, заметив зверя, подтягивали труссы повыше и обходили его морем. Они не подозревали, что Эльса ничуть не боится воды!

Она охотно гуляла на берегу, ловя кокосовые орехи, принесенные волнами. Иногда мы привязывали орех на веревку и крутили его в воздухе над головой, а Эльса без устали прыгала за ним. Она быстро убедилась, что рыться в песке увлекательно и полезно: чем глубже зарываешься, тем песок прохладнее и влажнее и тем приятнее там кататься. Еще она любила волочить длинные космы водорослей и порой столько их наматывала на себя, что становилась похожей на морское чудовище. Но всего потешнее было возиться с крабами. На закате берег кишел этими маленькими розовыми созданиями. Они вылезали из норок и бочком спешили к воде. Волны непрестанно отбрасывали их, но крабики не сдавались и наконец, урвав клочок сочной морской воды, бегом тащили добычу домой. Им и без того приходилось трудно, а тут еще Эльса носилась по берегу и тормозила то одного краба, то другого, невзирая на болезненные щипки. К чести крабов надо сказать, что из всех противников Эльсы, включая слонов, буйволов и носорогов, только они успешно ей противостояли. Станут боком на посту перед норкой, поднимут розовую клешню, и, как бы Эльса ни ловчила, крабы всегда успевали царапнуть ее чувствительный нос.

Прокормить Эльсу становилось все труднее. Сметнув, что выдался хороший случай подзаработать, местные жители запрашивали втридорога за своих коз. Для них настала пора роскошной жизни, но вскоре Эльса наказала спекулянтов. Они не очень-то внимательно присматривали за скотом, козы с утра до

вечера бродили в кустарнике, оказываясь легкой добычей для львов и леопардов. Как-то вечером, когда козам уже давно полагалось спать, мы отправились на пляж. Вдруг Эльса метнулась в кусты. Блеяние... тишина. Видно, она учуяла козу, бросилась на нее и навалилась всей тяжестью. Но ей никогда не приходилось убивать, она просто не знала, как это делается, и, когда мы подошли, попросила помочь. Джордж выстрелом добил козу. Владелец не объявился, — должно быть, решил, что в гибели козы повинен дикий лев. И мы промолчали. А стоило признаться, и к нашему лагерю пригнали бы на соблазн Эльсе всех престарелых коз на многие километры вокруг, чтобы потом потребовать с нас возмещение. Голос своей совести мы заглушили. Ведь как-никак Джордж прикончил самого грозного истребителя коз. А бешеные деньги, которые с нас драли за покупаемых для Эльсы животных?..

Под конец отпуска Джордж заболел малярией. Но он так увлекся подводной охотой, что, наглотавшись лекарств, продолжал вставать ни свет ни заря и нырять.

Как-то вечером, возвращаясь с Эльсой с прогулки, я услышала в лагере стоны и крики. Заперев львицу в машину, я побежала к палатке. Джордж сидел на стуле в беспамятстве и кричал. Он требовал револьвер, звал меня, проклинал Эльсу, грозил застрелиться. Несмотря на жар, он все же узнал меня, стиснул до боли мне руки и простонал, что теперь, когда я пришла, можно и умереть. Я сильно испугалась. Слуги жались поодаль, а наш гость стоял, не зная, что делать. Он приготовил палку на случай, если Джордж начнет буйствовать.

Они шепотом рассказали мне, что вдруг ни с того ни с сего Джордж принялся размахивать руками, звать меня, искать револьвер. К счастью, я быстро вернулась.

Теперь нужно было уложить Джорджа и успокоить. Мы потащили его на кровать. Он безвольно повис у нас на руках, холодный как лед. Хотя мне было страшно, я старалась говорить с ним ровно, спокойно. Рассказала, как мы гуляли с Эльсой, какую рыбу повар приготовил на обед, какую ракушку я нашла, шутила по поводу его странного поведения. А сама задавала себе вопрос: неужели умрет?

И, совсем как ребенок, Джордж успокоился. Только лицо его посерело, нос заострился, глаза закрылись... Он прошептал, что холод ползет у него вдоль ног к сердцу, а руки уже омертвели. Вот встретятся оба ледяных потока у сердца — и конец. Вдруг он с безумным испугом опять вцепился в меня, точно я олицетворяла жизнь. Я влила немного коньяку в пересохший рот Джорджа, погладила его по голове, заговорила о торте, который привезла из Исиоло. Хороший торт, мы съедем его вечером, как только Джордж поднимется на ноги.

Мне стало ясно, в чем дело. Джордж принял чересчур много мепакрина да к тому же пошел нырять, не дождавшись, когда это сильное лекарство подействует. Что-то в этом роде уже было с ним несколько лет назад, я сразу узнала симптомы. Под утро Джордж, совершенно измученный, уснул, но до тех пор он перенес еще несколько приступов, во время которых мозг его лихорадочно работал и он бормотал что-то невнятное. Утром я послала за врачом в Ламу. Но тот ничем не смог помочь, только прописал снотворное и заверил Джорджа, что он быстро поправится, если не будет нырять.

Когда Джорджу стало лучше, мы поспешили вернуться в Исиоло. Как всегда, отпуск пролетел слишком быстро. Зато мы привезли домой отличный загар, а шуба Эльсы от частого купания стала совсем шелковистой.

Глава четвертая

ЛЬВЫ-ЛЮДОЕДЫ

Вскоре после нашего возвращения домой во время одной из прогулок я заметила, что Эльса ходит с трудом, точно у нее болит что-то. Смеркалось, а нам еще предстоял долгий путь по крутым, каменистым склонам, сквозь колючий кустарник. Наконец Эльса и вовсе остановилась. Джордж, решив, что у нее запор, посоветовал сделать ей клизму. Но для этого надо было дойти до дому и съездить в Исиоло за всем необходимым. Джордж вызвался побыть с Эльсой.

Уже стемнело, когда я вернулась с водой, клизмой и фонариком. Но одно дело ставить клизму в кабинете ветеринара и совсем другое — лечить царапающую львицу среди колючего кустарника в кромешной тьме.

Мне удалось влить бедняжке пол-литра воды, больше она не позволила. А этого, конечно, было мало, и оставалось только нести львицу.

Я снова сходила домой, взяла раскладушку (вместо носилок), карманные фонари, прихватила шестерых боев и повела отряд к холмам.

Едва мы поставили раскладушку на землю, как Эльса перекатилась на нее и легла лапами кверху. Новый способ передвижения ей явно понравился. Можно было подумать, что ее всю жизнь так носили. Но Эльса весила около восьмидесяти килограммов, и запыхавшиеся потные носильщики вовсе не разделяли ее радости. Каждые пять минут они останавливались, чтобы отдышаться.

А львица преспокойно лежала, даже норовила цапнуть зубами ближайшего носильщика, чтобы поторопить его. Мы измучились, пока добрались домой

и вытряхнули Эльсу из носилок — сама она и не думала их покидать.

Оказалось, у нее завелись глисты. Видно, заразилась на берегу моря.

Эльса быстро поправилась. А вскоре после этого случая Джорджу пришлось заняться двумя львами-людоедами, которые за три года убили или ранили двадцать восемь человек из племени боран. О бесчинствах этих хищников рассказывали страшные вещи. Как-то раз один из них проник вечером в бому^[7] и утащил юношу. Африканец звал на помощь, но никто не посмел выйти, только две собаки с громким лаем кинулись вслед за львом. Зверь выпустил добычу, отогнал собак, потом вернулся к жертве и уволок ее.

А ведь бораны известны своей отвагой, они до сих пор с одними копьями выходят на львов.^[8]

Бораны и на слонов охотятся, но не ради мяса, а чтобы доказать свое мужество. Когда слон выслежен, молодежь соревнуется, кто первым обагрит его кровью свое копьё. Молодой боран не может рассчитывать на успех у девушек, пока не убьет хотя бы одного опасного зверя.

Однако львы-людоеды сумели нагнать страху даже на этих храбрецов. Оба разбойника оказались на редкость смелыми и хитрыми — они прятались от погони в густых зарослях у реки, где невозможно метнуть копьё. И, конечно, немалую роль сыграло здесь суеверие. Говорили, будто эти львы, прежде чем выходить за добычей, идут на песчаную прогалину, копают лапами ямки в два ряда и палочками играют в бау (эта древняя игра, напоминающая шашки, распространена во всей Африке). Если все признаки сулили удачу, они нападали на бому, если нет, откладывали вылазку до другого раза. А кто-то уверял, будто эти львы — духи двух «святых», которые давным-

давно были убиты боранами и теперь вернулись мстить. Бораны настолько уверовали в это, что пригласили издалека другого «святого», чтобы он прогнал духов. Колдун явился со всем своим реквизитом — книгой, колокольчиком и свечой — и в награду за труды потребовал шестьдесят коз. А львы продолжали безобразничать. В довершение всего Джордж и еще несколько охотников не смогли разделаться с убийцами с первой попытки. Тогда бораны окончательно решили, что это сверхъестественные существа и с ними никто не справится.

Хотя надвигался дождливый сезон, мы были твердо намерены разрушить чары. Однако мы не подозревали, что на это уйдет двадцать четыре дня!

И вот мы в пути. Эльса и я на грузовике, Джордж, молодой офицер и несколько следопытов на лендровере с прицепом. В трех километрах от фактории Мерти и в полукилометре от Васо-Ньио нам попалось хорошее место для лагеря. Мы поставили свои палатки под красивыми акациями недалеко от реки. Местность вокруг просматривалась свободно, а когда охотишься за людоедами, это очень важно: меньше опасности, что они нападут на лагерь.

Затем мы отправились в Мерти, чтобы узнать последние новости. Фактория состояла из трех глинобитных лачуг с железными крышами. Лавочники-сомалийцы рассказали нам, что в последние три месяца разбойники людей не трогали, зато все время резали скот. Несколько дней назад они забрались во двор одной лавки и утащили осла. Вот уже месяц с реки чуть не каждую ночь доносится их рычание.

Джордж пригласил вождя и старшин племени и попросил их предупредить всех живущих у реки, чтобы они известили нас, как только львы опять выйдут на разбой.

Людоеды орудовали в районе, который простирался примерно на восемьдесят километров вдоль Васо-Ньи́ро. Можно было подумать, что они тотчас проведали о нашем появлении. Они отлично чувствовали себя в густых прибрежных зарослях, и им ничего не стоило пройти километров пятьдесят ночью, по холодку, тогда как мы могли преследовать их только днем, продираясь в жару через колючую чащу или шлепая по колено в болотной грязи.

Для начала Джордж отшагал почти шестьдесят километров, прежде чем удалось подстрелить зебру. Эту приманку он привязал к большой акации среди зарослей в полутора километрах от лагеря. На нижних ветвях дерева, в трех-четырёх метрах от земли, мы соорудили махан — платформу.

Три ночи подряд Джордж и молодой офицер дежурили на платформе. Они слышали, как где-то выше по течению реки рычали львы, но и только. Сидя в лагере, я слушала могучий ночной концерт. Эльса мирно храпела рядом со мной, в машине. Неужели она не подозревает, что ее родичи совсем близко? Просто парадоксально: день и ночь мы охотимся на грозных людоедов, а когда, усталые, возвращаемся домой, то первым делом идем к Эльсе, и ее преданность вознаграждает нас за все испытания. Клин клином...

Как бы ни вели себя эти разбойники, я невольно восхищалась ими. Да и Джордж, хотя у него есть все причины ненавидеть их (ему однажды здорово досталось от зверя), считал львов самыми умными среди диких животных и уважал их.

На четвертую ночь, когда он и Джон решили отоспаться в лагере, львы сожрали приманку. Пришлось добывать новую. Снова охотники дежурили три ночи, а днем тщательно пытались выследить убийц. Уставшие охотники опять пришли на одну ночь в лагерь, и опять

львы воспользовались случаем. Еще немного — и мы тоже поверим, что это духи святых, а скорее, дьяволов!

Мы изменили тактику, сосредоточив на дневной охоте все усилия. Дважды нам удавалось выследить их в чаще и подойти совсем близко. И оба раза мы слышали, как они уходят, а взять их на мушку не могли. Тяжко в зной согнувшись бродить по туннелям в зарослях, рискуя к тому же столкнуться с носорогом или слоном. Вода в реке заметно прибывала, в горах уже начались дожди. Львы обитали на другом берегу, и надо было поскорее перебираться туда, пока еще позволял брод около Мерти.

Рано утром мы свернули лагерь и подъехали к броду. За ночь вода сильно прибывала. Я воткнула в землю палку для замера, ее быстро затопило. Все же мы решили, что на машинах можно переправиться. Джордж отделил прицеп от лендровера и снял ремень вентилятора, чтобы не забрызгать водой свечи. На малой скорости он благополучно перебрался через реку. Теперь была моя очередь. Эльса, как обычно, сидела в кузове. Бурный поток стремительно нес обломки. На полпути мотор закашлялся и заглох. Мы тщетно пытались завести его. Эльсу я выпустила, она радостно прыгнула в реку и принялась плескаться и ловить плавник, точно все это было затеяно ей на потеху. Она с наслаждением топила мужчин, которые, разгружая машину, ходили по шею в воде. Пришлось посадить ее на привязь. Мы вынесли вещи на берег и попробовали вытащить грузовик лендровером. Он угрожающе кренился, а цепей, которые у нас были с собой, не хватало. Мы срочно привязали к ним ремни из буйволово́й кожи и общими усилиями все-таки извлекли грузовик из реки, под бурные аплодисменты вездесущих бабуинов.

Волей-неволей надо было разбивать лагерь. Целый день мы сушили имущество. Боеприпасы, одежда,

лекарства, книги, провиант, мотор грузовика, запасные части, постели, палатки — все отсырело. Эльса никак не могла оторваться от этого «натюрморта». Она все ходила, обнюхивала его и недовольно сморщилась, когда ей попался табак.

На другой день река вышла из берегов, и мы перенесли лагерь повыше. Всю следующую ночь лил дождь, грозя положить конец нашей охоте. Все-таки мы решили подыскать дерево, на котором можно было бы соорудить махан. Буш на этой стороне был низкорослый, и нам пришлось довольствоваться небольшим деревом мсваки. Его высота только-только позволяла устроиться вне досягаемости голодного льва. Джордж убил зебру и привязал ее к стволу. Едва стемнело, он вместе с Джоном вскарабкался на платформу. Возможно, львы чувствовали, что наш махан, сколоченный на высоте всего двух с половиной метров от земли, не очень-то надежен; так как через часок охотники услышали рычание обоих разбойников. Один подал голос от брода, до которого было с полкилометра, второй — с другого берега. Первый лев рычал все громче и громче, он явно был в ударе, от его могучего голоса дрожала платформа. Вдруг Джордж уловил характерные звуки: хищник рвал тушу. Но в кромешной тьме охотники ничего не могли разглядеть. Подождав, пока лев войдет во вкус трапезы, Джон включил фонарик и увидел зверя. Он лежал спиной к охотникам, зарывшись головой в тушу зебры. Неудобная мишень. Но тут лев, потревоженный светом, повернул голову в их сторону.

Джордж выстрелил, целясь в шею. Лев рявкнул, подпрыгнул и бросился наутек, издавая горловые звуки. Он был серьезно ранен. Джордж не сомневался, что утром мы найдем в буше мертвого льва. Как только рассвело, из лагеря пришли два следопыта, и все

вместе двинулись по следу. Пятна крови исчезали в прибрежной чаще.

Но если лев еще жив, преследовать его опасно... Охотники шли очень медленно, поминутно останавливаясь и прислушиваясь. Вдруг раздалось рычание, и Джордж заметил в зарослях двух львов, которые тотчас обратились в бегство. Похоже, товарищи соединились... теперь держи ухо востро, ведь подраненный лев не замедлит напасть. Кровавые пятна почти исчезли, а в сумраке буша трудно было отыскать отпечатки лап. Охотники остановились, разглядывая почву. Вдруг один из следопытов хлопнул Джорджа по плечу и кивнул назад. В пятнадцати метрах от них из-за куста показалась львиная голова. Джордж выстрелил и попал льву в переносицу. Это был крупный самец — два метра восемьдесят пять сантиметров от носа до кончика хвоста. Судя по всему, тот самый, которого они поранили ночью, так как в затылке у него было два пулевых отверстия. Второй лев, видимо, перебрался на другой берег. Джордж услышал плеск воды сразу после выстрела.

Отыскав охотников, я не могла не выразить Джорджу своего восхищения. Не очень-то приятно идти за раненым людоедом по таким зарослям... Мы уже охотились три недели и не щадили себя, стараясь выследить желтых разбойников, но до этой минуты я даже мельком их не видела. Теперь богатырь был повержен; лапы, отпечатки которых мы уже хорошо знали, безжизненно поникли. Ему было лет восемь, самый расцвет. Хорошо, конечно, что один людоед обезврежен, но почему-то победа над великолепным зверем нас не обрадовала. Со льва сняли шкуру. Я сфотографировала его сердце, оно было величиной с детскую голову. Мне стало ясно, почему мне всегда казалось, что в груди Эльсы стучит мощный мотор.

На следующий день Джордж и Джон снова отправились дежурить на махане. Они надеялись подстеречь второго людоеда, но не дождались его и только промокли насквозь. Правда, с того берега кто-то подавал голос.

Река сильно разлилась, переправиться на машинах было невозможно, вплавь тоже нельзя из-за крокодилов. Тогда Джордж смастерил из раскладушки лодку. Получилось неплохо, только лодка не могла выдержать больше одного человека. Джордж пересек реку и дошел до Мерти. Весть о победе над людоедом всех обрадовала. Убедившись, что разбойники уязвимы, бораны тотчас вызвались помочь выследить второго. По пути в Мерти Джордж видел свежие следы львицы. Не она ли рычала ночью? Он уже сомневался, что убил того самого льва, которого перед тем подранил. Может быть, разрывная пуля прошла насквозь и отверстия в затылке пробиты осколками? Но тогда раненый лев бродит на том берегу, где мы разбили второй лагерь.

На обратном пути Джордж встретил у брода шестерых молодых воинов с копьями. Они хотели участвовать в охоте. Он попросил их прийти на следующий день и захватить своих лучших собак. Наутро мы встретились с ними, как было условлено. Но что за жалких псов они привели с собой? Правда, воины уверяли, что эти собаки бесстрашные, не боятся львов.

И вот мы снова идем по бушу. Джордж вскоре заметил, что собаки, как их ни подгоняют владельцы, не очень-то рвутся вперед. Ну конечно же! Вот вожак, поджав хвост, вернулся назад, и за ним вся свора. Сейчас раздастся рев, и лев ринется в атаку... Но рычания мы не услышали, зато возбужденно затыкали бабуины. Это верный признак, что поблизости опасность — лев или леопард. Немного выждав, мы двинулись дальше. Джордж пригнулся, нырнул под ветку и заметил светлое пятно! За колючим

кустарником, приготовившись к прыжку, лежал лев. Джордж уже прицелился, но в это время услышал жужжание мух: зверь был мертв. Пуля, которую он выпустил ночью, пробила насквозь горло льва и, видимо, разорвала яремную вену. Лев был настоящий красавец, правда, поменьше первого — около двух метров семидесяти сантиметров. Хотя он и натворил немало бед, я смотрела на него с почтением.

Оба убитых нами льва были в расцвете сил. Никаких недугов, которые оправдывали бы их людоедство. А ведь чаще всего львы становятся людоедами из-за какого-нибудь физического изъяна. То ли они ранены стрелой, то ли пострадали от капкана, то ли зубы у них плохие, или же в лапах застряли иглы дикобраза. И престарелые животные тоже иногда отдают предпочтение менее прыткой добыче.

Но бывают исключения, когда можно лишь гадать, что побудило льва охотиться на людей. Может быть, беспечность местных жителей, которые часто спят под открытым небом у загона, куда на ночь помещают скот? Представьте, себе голодного льва, который готов пробиться за добычей сквозь колючую изгородь и вдруг видит у ограды спящего человека. Мудрено ли, если он не устоит против соблазна? Случайность кладет начало привычке, и появляется еще один людоед. А у родителей учатся львята, так что эта черта может передаваться из поколения в поколение. Не по наследству, конечно, а в силу примера.

Мы выполнили свою задачу, и бораны теперь могли не бояться «духов». Хотя кто поручится, что у пристреленных львов не найдется бойких потомков? Оставалось надеяться, что дети не пойдут по стопам родителей. [\[9\]](#)

Глава пятая

САФАРИ У ОЗЕРА РУДОЛЬФ

Эльсе было уже полтора года, когда я впервые заметила, что от нее порой распространяется резкий запах. Вместе с мочой она оставляла выделения двух так называемых анальных желез, которые расположены под самым хвостом. И хотя это был ее собственный запах, Эльса гримасничала, нюхая его.

Как-то во время одной прогулки нам встретилось стадо антилоп канн. Эльса тотчас стала подкрадываться к ним. Крупные животные паслись на крутом откосе, в стаде было много телят. Одна антилопа загородила путь Эльсе и, чтобы отвлечь ее, затеяла в кустах игру. Так продолжалось, пока стадо не ушло за пригорок. Тогда антилопа галопом умчалась прочу, и бедняжка Эльса осталась в дураках.

Помню еще один забавный пример «звериной стратегии». Мы пошли с Эльсой на пригорок, и я увидела внизу пасущихся слонов со слонятами, штук восемьдесят. Львица тоже их заметила. Не успела я крикнуть «нельзя», как она ринулась вниз по склону. Потом спохватилась и начала осторожно красться к стаду.

Ближе всего к ней была слониха с маленьким слоненком. Эльса кралась очень искусно, но мамаша тотчас смекнула, в чем дело. Мы испугались: сейчас пойдет в атаку! К нашему удивлению, слониха ограничилась тем, что закрыла слоненка собой и стала потихоньку подталкивать его к другим слонам. Тогда Эльса незаметно подобралась к двум самцам. Но они отнеслись к ней равнодушно. Третья группа, к которой она подкралась почти вплотную, тоже не захотела

поиграть с нею. Солнце было уже совсем низко. Мы окликнули Эльсу, но она даже ухом не повела. Мы решили идти домой без нее, — может, и не натворит глупостей.

Я зашла в ее загон и села там с книгой, но никак не могла сосредоточиться. И все сильнее волновалась, мне рисовались всевозможные ужасы. Но что делать? Если держать Эльсу на привязи во время слоновьего нашествия, она может рассердиться, станет раздражительной, потом с нею и вовсе не сладить. Пусть уж сама научится знать свой шесток, поймет, где кончается веселье и начинается опасность в игре с великанами животного мира. Может быть, тогда у нее скорее пропадет интерес к ним.

Прошло три часа. Ей давно пора быть дома. Наверное, случилась беда... И вдруг послышалось знакомое «хнк-хнк». Эльса! Ей очень хотелось пить, но, прежде чем идти к миске с водой, она облизала мне лицо и пососала мои большие пальцы, чтобы показать, как она рада видеть меня. От нее пахло слонами. Наверное, очень близко подбиралась к ним да еще валялась в помете. Она шлепнулась на землю, видно, сильно устала... Чувство смирения овладело мной: мой друг вернулся из мира, который мне совершенно недоступен, и относится она ко мне с прежней нежностью. Догадывалась ли Эльса, что представляет собой своеобразное звено между двумя мирами?

Из всех животных ей, бесспорно, больше всего нравились жирафы. Она могла подкрадываться к ним часами, пока эта игра не приедалась обеим сторонам. Посидит, подождет немного — и вот они уже снова подходят к ней. Длинные, тонкие шеи вопросительно изогнуты, крупные печальные глаза устремлены на львицу. Потом, жуя свои любимые стручки акации, не спеша удаляются. Но иногда Эльса преследовала их по-настоящему. Приметит и, прижавшись к земле, заходит

так, чтобы ветер не выдал ее запах. Каждый мускул предельно напряжен... Обойдет тихонько стадо и гонит его на нас, ожидая, что мы из засады откроем огонь по дичи, которую она так ловко обманула.

Занимали ее и другие животные. Однажды во время прогулки Эльса стала принюхиваться и вдруг бросилась в кустарник. Шум, топот, фыркание. Все ближе и ближе! Мы едва успели отскочить в сторону, когда из зарослей выскочил бородавочник!^[10] Он тут же снова нырнул в чащу, Эльса за ним по пятам. Мы долго слышали, как трещат кусты. Я даже испугалась за Эльсу. Ведь у бородавочника большие и грозные клыки. Наконец она вернулась и стала тереться головой о мои колени, рассказывая, как весело было ей играть.

Следующее сафари мы задумали к озеру Рудольф. Его солоноватые воды простерлись на триста километров, заходя на севере в Эфиопию. Путешествие должно было длиться семь недель. Почти все время мы шли пешком, вещи были на ослах и мулах. Эльсе впервые предстояло совершить такой переход в обществе четвероногих. Хотя бы они поладили между собой!

Отряд был довольно большой: мы с Джорджем, инспектор Джулиан из соседней области, Герберт, который опять гостил у нас, следопыты, шоферы, бои, шесть овец для Эльсы, тридцать пять ослов и мулов. Караван с вьюками был отправлен заблаговременно тремя неделями раньше. Первый этап, примерно в пятьсот километров, мы проехали на машинах. Получилась целая колонна: два лендровера, мой грузовик с Эльсой, а также две трехтонки для перевозки людей, продуктов, горючего и восьмидесяти галлонов воды.

Первые триста километров пути пролегали по широкой и пыльной пустыне Каисут. Затем мы

поднялись на склоны вулкана Марсабит, возвышающегося над пустыней на полторы тысячи метров. Густой мшистый лес, нередко окутанный облаками, был приятным контрастом со знойной, сухой равниной. Марсабит — подлинный рай для животных. Обитают тут носороги, буйволы, большой куду, львы и множество других животных. А здешние слоны известны лучшей во всей Африке слоновое костью.

На Марсабите расположен последний правительственный пост, дальше простирается необитаемый край, лишенный связи с внешним миром. Кругом лишь вулканические гряды да песчаные ложбины... Мы ехали, в общем, без происшествий, только один раз моя машина чуть не развалилась. Соскочило заднее колесо, пришлось чинить. На починку ушло несколько часов. Бедная Эльса! Все это время она сидела в кузове, только там можно было укрыться от палящего солнца. Но она вела себя очень смирно.

Скверная дорога привела нас в горы Хури на границе с Эфиопией. Растительность здесь очень скудная. Хотя эти горы и выше Марсабита, они получают гораздо меньше влаги. Сильный ветер бушует на их безлесных склонах. Эльса никак не могла привыкнуть к такой погоде. Ночи она проводила в машине, защищенная от холода брезентом.

Джорджу нужно было проверить, как здесь обстоят дела с дичью, не занимаются ли габба браконьерством. Мы провели в горах Хури несколько дней, потом двинулись на запад. Мрачный, пустынный вулканический ландшафт... Машины тряслись на камнях, буксовали в песке сухих русел, петляли между каменными глыбами. Но вот мы пробились к пустыне Чалби, протянувшейся на сто тридцать километров. В прошлом здесь было озеро, теперь по его гладкому, твердому дну можно мчаться на полной скорости. В пустыне часты миражи: вдруг вдали возникают озера с

пальмами по берегам и идущие прямо по воде газели ростом со слона. Край нещадного зноя и жажды...

В западной части пустыни Чалби лежит оазис Норт-Хорр. Там есть полицейский пост, и туда приходят на водопой тысячи верблюдов, овец и коз, принадлежащих племени рендилл. Никаких дел в Норт-Хорре у нас не было, мы лишь пополнили запасы воды и сразу двинулись дальше.

Наконец после трехсот семидесяти километров основательной тряски мы достигли оазиса Лойонгалан — несколько источников, окруженных пальмами дум, в трех километрах от южной оконечности озера Рудольф. Тут мы встретили наших осликов. Когда Эльсу привезли к озеру, она тотчас же бросилась в воду, словно спеша смыть усталость, и очутилась в обществе крокодилов, которых здесь великое множество. К счастью, они вели себя спокойно, но на всякий случай мы постарались отогнать их. Эти узловатые чучела маячили у самого берега на всем нашем пути вдоль озера, отбивая, у нас всякую охоту купаться.

В Лойонгалане мы устроили базовый лагерь. Три дня у нас ушло на починку сбруи и укладку вьюков. На каждого осла приходилось по два вьюка весом по двадцать — двадцать пять килограммов. Наконец все было готово. Восемнадцать ослов несли на себе провиант и лагерное снаряжение, четыре — канистры с водой. Еще пять ослов мы держали в запасе, а для тех, кто устанет или заболит, был верховой мул. Меня очень заботило, как Эльса отнесется к ослам. Поначалу она наблюдала за сборами без особого интереса, но, когда мы начали прилаживать вьюки, пришлось ее привязать. Уж очень ее возбудило зрелище такого количества чудесного мяса, которое кричало дурными голосами, брыкалось и каталось по песку, тщетно силясь сбросить нежеланную ношу.

Основная часть отряда вышла утром. Мы с Эльсой отправились в путь под вечер, когда спала жара. Дорога шла вдоль берега озера. Эльса резвилась, как щенок, бегая от одного к другому. То вспугивала стаю фламинго, то приносила подстреленную нами утку, то прыгала в озеро и купалась под бдительным надзором кого-нибудь из нас. Когда нам встретился караван верблюдов, я взяла Эльсу на поводок. Львица возмутилась и чуть не вырвала мне руку из плеча, так ей хотелось познакомиться поближе с невиданными животными. Но мне-то вовсе не улыбалось увидеть, как насмерть перепуганные верблюды будут сбивать друг друга с ног. Да и Эльсе может не поздоровиться в такой катавасии. К счастью, это была единственная встреча.

Уже стемнело, когда мы увидели на берегу озера лагерные костры. Я снова взяла Эльсу на поводок, боясь, как бы она не затеяла погоню за ослами. Палатки были уже поставлены, обед приготовлен. После обеда мы условились, что отряд с львицей (Джордж, Нуру, один проводник и я) каждый день будет выходить с утра пораньше, пока остальные сворачивают лагерь и выючат ослов. Таким образом, мы захватывали самые прохладные часы и могли вести Эльсу без поводка. В половине десятого мы высматривали тенистое местечко, чтобы переждать жару, да и ослам не вредно было попасться. Львицу, разумеется, привязывали, как только ослы подходили к привалу. Во второй половине дня все делалось наоборот: караван выходил на два часа раньше нас и проводники еще дотемна разбивали лагерь.

Такой порядок мы соблюдали до конца сафари. Это было очень удобно, так как днем Эльса и ослы не встречались, если не считать полуденного привала, когда мы ее, сонную, держали на привязи. Постепенно они вообще привыкли друг к другу, и Эльса поняла, что ко всем участникам сафари надо относиться терпимо.

До девяти утра львица шагала очень бодро. Но как только становилось жарко, ее манила тень кустов или больших камней. Во второй половине дня, часов до пяти, ее трудно было поднять с места, зато потом она могла идти хоть всю ночь. В среднем она шла по семь-восемь часов в день и чувствовала себя отлично. Эльса старалась почаще освежаться в озере, плавая порой в двух-трех метрах от крокодилов. Сколько я ни кричала и ни махала ей, она выходила из воды только тогда, когда ей самой заблагорассудится. К месту привала мы прибывали к восьми-девяти вечера. Иногда передовой отряд пускал сигнальные ракеты, чтобы нам легче было найти его.

На второй день мы миновали последнее поселение. Это была рыбацкая деревушка племени моло, где обитало около восьмидесяти душ. Питались они почти одной рыбой, разве что иногда отведают мяса крокодила или бегемота. Из-за плохого питания и браков между родственниками здесь распространен рахит и заметны признаки физического вырождения. У всех моло скверные зубы и десны, но в этом повинно, скорее всего, не питание, а обилие соды и других солей в озерной воде. Люди тут радушные, щедрые, они непременно встречают гостей подарком — свежей рыбой. Ловят ее сетями из волокна пальмы дум, такое волокно не боится щелочей. Крокодилов, бегемотов и огромного нильского окуня (он весит до ста килограммов) бьют копьями с примитивных плотов в три пальмовых ствола. Отталкиваясь шестью, рыбаки плывут по отмелям и далеко от берега не уходят. Здесь часты мощные шквалы скоростью до ста пятидесяти километров в час. Они могут привести непривычного человека в отчаяние. Во время шквала невозможно поставить палатку. Ветер сбрасывает еду с тарелок, даже попробовать не успеешь, или заносит ее слоем песка, так что в рот не возьмешь. Песок засоряет глаза,

нос, рот, порывы ветра раскачивают раскладушку, не давая уснуть. Зато когда озеро Рудольф спокойно, оно обладает особым очарованием. Но как об этом рассказать? Просто вас тянет туда снова и снова.

Десять дней мы шли вдоль берега. Местность мрачная, сплошная застывшая лава, только разная по плотности: то пыль вроде пепла, то камни, такие острые, что ступать больно. Местами встречался глубокий песок, и каждый шаг стоил огромного труда. А затем галька, гравий... И все время дул жаркий ветер, от которого звенело в голове. Растительность скудная, реденькие колючие кустарники да жесткая трава, острая, как бритва.

Оберегая лапы Эльсы, я смазывала их жиром. Она как будто понимала, что это нужно, и была очень довольна. Во время дневного привала я отдыхала на раскладушке. Все-таки мягче, чем на гальке. Эльса разделяла мое мнение и мое ложе. Места мне оставалось маловато, и иногда я даже сидела на земле, уступая Эльсе всю кровать. Но чаще всего мы все-таки ютились вместе. Только бы брезент не лопнул от такой тяжести...

Во время длинных переходов Нуру нес воду и миску для Эльсы. Ужинала она около девяти вечера, потом ложилась спать по соседству с моей кроватью, на привязи.

Как-то вечером мы заблудились и пришли в лагерь поздно ночью. Эльса выглядела совсем разбитой, и я не привязала ее. Вдруг она вскочила и мигом прорвалась сквозь колючую ограду в загон для ослов. Шум, гам, переполох. Не успели мы опомниться, как все ослы разбежались. Хорошо еще, что удалось поймать Эльсу. Наказала я ее строго. Кажется, она поняла, что заслужила трепку, вид у нее был виноватый. Хотя вообще-то спрашивать надо было с меня — я недооценила ее врожденного инстинкта, не подумала,

каким соблазном должен быть для нее запах табуна, особенно в то время суток, когда дикие звери выходят на охоту.

К счастью, только одному ослу достались царапины, да и то неглубокие. Я взялась за лечение, и раны у него быстро зажили. Но случай этот послужил мне уроком: никогда не спускать глаз с Эльсы.

В озере было много рыбы, Джордж и Джулиан снабжали нас великолепным тилапия, который водится только здесь. Его можно ловить на крючок или глушить из ружья. А следопытам больше нравился безобразный на вид скат. Они били его на мелководье палками или камнями. Эльса охотно участвовала в этой затее, иногда вызывалась поднести улов, но тотчас бросала его, морща нос. Один раз Нуру настолько увлекся, что, не жалея сил, стукнул рыбу прикладом своего ружья. Приклад разбился, а ствол согнулся под прямым углом. Нуру нисколько не огорчился, главным для него был улов. Джордж сделал ему выговор и в ответ услышал:

— Ну ничего, Бог скоро пошлет вам новое ружье.

Но Эльса, видимо, решила наказать Нуру. Схватила сандалии, которые он оставил на берегу, и убежала. Забавно было смотреть, как они стараются перехитрить друг друга. Когда сандалии вернулись к владельцу, вид у них был жалкий.

Чтобы выйти к заливу Алиа на севере, нам надо было пересечь хребет Лонговдоти. Горы эти обрываются прямо в воду, пришлось послать тяжело нагруженный караван в обход. Сами мы с львицей пробирались по скалам вдоль берега и забрели в такой угол, что, казалось, дальше пути нет. Перед Эльсой стоял выбор: прыгать со скользкой пятиметровой скалы на мелководье внизу или спускаться по каменной плите в пенистый прибой. Глубина здесь была небольшая, утонуть нельзя, но из-за пены было страшновато, и Эльса не могла решиться. Она проверила все карнизы,

долго топталась на уступе, наконец храбро прыгнула в волны и, подбадриваемая нами, быстро выбралась на берег. Эльса очень радовалась собственной отваге и гордилась, что не подвела нас.

Почти все время мы пили солоноватую озерную воду и в ней же варили пищу. Эта вода безвредна, ею хорошо мыться, даже мыла не надо, однако она придавала неприятный вкус всей еде. Но у подножия гряды Моити нас ждал подарок: пресный источник.

Насколько нам было известно, до нас никто из европейцев не проходил вдоль западного подножия этой гряды. Немногие путешественники, которые здесь побывали, всегда шли восточнее. На десятый день после выхода из Лойонгалана мы разбили лагерь у северной оконечности Моити. Как обычно, вперед выслали следопытов — разведать местность и проверить, нет ли браконьеров. Они вернулись под вечер и рассказали, что видели много лодок с людьми. В этих местах хорошие лодки долбленки есть только у галубба. Это воинственные люди, которые приходят из Эфиопии с немирными намерениями. Замеченный нашими следопытами отряд, видимо, собрался в набег или же занимался браконьерством. Во всяком случае, они вторглись на чужую землю. Мы с Эльсой остались в лагере под защитой четверых вооруженных мужчин, все остальные пошли на разведку.

С горы открывался вид на залив. У самого берега разведчики заметили три лодки, в которых сидели двенадцать человек и гребли в сторону нашего лагеря. Но и галубба их заметили. Когда отряд Джорджа спустился к озеру, лодки уже отошли метров на двести, направляясь к маленькому островку. Огнестрельного оружия у нарушителей как будто не было. Но, может быть, оно спрятано на дне лодки? В бинокль Джордж насчитал на островке не меньше сорока человек, а на берегу лежало несколько долбленок. Вот и эти три

причалили к острову, началось оживленное совещание. Попастъ на остров без лодки Джордж не мог, поэтому отряд возвратился в лагерь. Мы собрали свое имущество и спустились к заливу — все-таки ближе к островку. На ночь выставили усиленный караул и спали с ружьями наготове. А на рассвете увидели, что остров пуст. Очевидно, мы не понравились галубба, и они, несмотря на сильный ветер, ушли с острова под покровом темноты. На всякий случай Джордж разослал вдоль берега несколько патрулей. Вскоре после восхода солнца на остров слетелись грифы и марабу. Похоже, галубба все-таки успели, нарушая запрет, убить нескольких бегемотов. И теперь птицы пировали.

Около одиннадцати часов из густого камыша южнее вашего лагеря вдруг выскочили две лодки. Джордж выстрелил раз-другой для острастки, и лодки тотчас повернули обратно. Он послал следопытов, чтобы отыскать их и вступить в переговоры. Но браконьеры ушли еще дальше в камыши. Время от времени они выглядывали из зарослей, проверяя, здесь ли мы еще. Судя по всему, там укрылись четыре лодки, отрезанные от главных сил. Поймать их мы не могли, и Джордж решил заставить нарушителей уйти домой. Как только стемнело, он выпустил сигнальные ракеты.

Наши запасы подходили к концу, пора было возвращаться. Первая половина этого сафари была чистым раем по сравнению со второй. До сих пор озеро щедро снабжало нас водой, а назад мы пошли другим путем, намного восточнее. Гоите, наш проводник из племени турканов, чувствовал себя здесь не очень уверенно, но главное — нельзя было рассчитывать, что у нас всегда будет вода. В засушливое время года в этом районе от одного источника до другого слишком далеко. Джордж надеялся, что мы нигде не будем дальше одного дневного перехода от озера и в самом крайнем случае можем свернуть к нему.

Теперь мы были лишены прохладного озерного ветерка, и порой мне казалось, что зной совсем иссушит меня. Местность стала еще более безотрадной — сплошная лава, почти никакой дичи, а людей и вовсе нет. Хорошо, что мы закупили в Лойонгалане овец для Эльсы. Их уже заметно поубавилось, но все-таки Эльса пока не знала горя. Зато люди все без исключения сбросили лишний вес. Продвигались мы быстро, так как вьюки стали намного легче, а отсутствие воды заставляло делать большие переходы.

На девятнадцатый день мы вернулись в Лойонгалан и убедились, что наши люди, оставшиеся в базовом лагере, не теряли времени зря. Они поймали на месте преступления четверых браконьеров из племени турканов. Старший из пойманных радостно приветствовал Джорджа и напомнил, что тот десять лет назад уже ловил его, даже отправил в тюрьму в Марсабите. Ему там очень понравилось. Правда, он почему-то не рвался туда снова. Джордж пожалел старика и не стал строго наказывать его.

Из Лойонгалана наши, мужчины отправились за покупками в Норт-Хорр. Там были три сомалийские лавки. В полицейском участке Джордж узнал, что между Лойонгаланом и Норт-Хорром видели восьмерых браконьеров. Они ехали верхом, и у них были ружья. Сюда нередко наведываются бораны из Эфиопии. На лошадках, которые приучены четыре-пять дней обходиться без воды, они загоняют и убивают жирафов. По эту сторону границы бораны могут рассчитывать на помощь кенийских соплеменников, которые предупреждают их, когда появляются патрули. Но на этот раз патруль на верблюдах выследил нарушителей и застиг их врасплох. Ранен был один браконьер и захвачено семь коней.

Три дня мы отдыхали в Лойонгалане, чинили сбрую, приводили в порядок снаряжение и готовились ко

второй части сафари — восхождению на гору Кулал, которая поднимается почти на две тысячи триста метров над пустыней, в тридцати километрах к востоку от озера Рудольф. Вершина перехватывает влажные муссоны и покрыта густым лесом. Вулканический массив протянулся на сорок пять километров, поперечник кратера достигает около шести с половиной километров. Кратер расколот надвое — на южную и северную половины. Считают, что Кулал был разрушен землетрясением уже после прекращения вулканической деятельности. Стены расселины изборозжены трещинами и напоминают дольки апельсина высотой до тысячи метров. В глубь горы уходит невидимое сверху ущелье Иль-Сигата. Зажатое стенками стометровой высоты, оно местами настолько узко, что неба почти не видно. Мы хотели исследовать его и отыскивали единственный доступный вход у восточного подножия Кулала. Но громадные обломки и заполненные водой провалы скоро вынудили нас отступить.

Чтобы как следует осмотреть Кулал, надо взобраться по склону на вершину, спуститься в кратер и по второму склону снова подняться наверх.

Джордж побывал в этих местах двенадцать лет назад. Теперь мы хотели проверить, сохраняются ли здесь стада животных, или браконьеры выбивают их. Нас особенно интересовал большой куду.

Снизу Кулал не кажется внушительным. Пологая гряда, к вершине ведут широкие гребни. Но вверху гребни сужались настолько, что мы с трудом проводили наш караван.

Сначала путь пролегал по хаосу глыб и оказался очень тяжелым для вьючных ослов. Но на гребнях местами было еще хуже, приходилось снимать часть груза с животных и нести на себе.

К концу второго дня было пройдено две трети пути. Мы разбили лагерь в крутом каменистом ущелье, возле

источника, из которого могло пить только одно животное. Понадобился не один час, чтобы напоить всех ослов. На Кулале мало воды, так что этот источник очень важен для скотоводов из племени самбуру, которые в засушливое время года пригоняют сюда свой скот.

Могу вообразить, каким соблазном были для Эльсы все эти верблюды, коровы, овцы и козы. Но она была умницей и вела себя смирно, даже когда животные проходили в нескольких метрах от нее. На всякий случай мы держали ее на привязи, хотя она ни на кого не бросалась, только мечтала уйти куда-нибудь от всей этой пыли и гама.

Дальше подъем становился совсем крутым, а климат почти арктическим. Мы переваливали через гребни, пересекали лощины, пробирались вдоль обрывов. Деревья сменились кустарником, кусты — великолепной альпийской флорой.

Утром третьего дня мы ступили на вершину Кулала и облегченно вздохнули. Подъем кончился. Лагерь разбили на чудесной лужайке. Вот только воду в источнике замутил скот. Самбуру очень удивились, когда увидели в нашем отряде почти взрослого льва.

В кущах под самой вершиной по утрам собирался туман, и мы разжигали большие костры, чтобы согреться. По ночам бывало настолько холодно, что я держала Эльсу в палатке на ложе из мха, укрывая ее самым теплым одеялом. Спать мне почти не приходилось — нужно было следить за своим «ребенком», который поминутно сбрасывал одеяло и начинал дрожать от холода. Эльса благодарно лизала мне руку. Не было случая, чтобы она попыталась вырваться из палатки, напротив, утром она подолгу отсиживалась в своем уютном убежище, выжидая, когда прекратится ветер и рассеется туман. Зато стоило солнцу прогнать сырую мглу, как львица

оживлялась и выходила на бодрящий горный воздух. Ей тут очень нравилось. Мягкая, прохладная почва, тенистый лесок, вдоволь буйволиного помета, на котором можно кататься...

Благодаря большой высоте и тени даже в самую жаркую пору дня здесь было легко ходить, и мы брали Эльсу с собой. Она смотрела на парящих в поднебесье орлов, возмущалась воронами, которые подлетали к ней, чтобы подразнить. А один раз устроила погоню за буйволом. У Эльсы было великолепное обоняние, отличное зрение и слух, она находила путь даже в самых густых зарослях.

Как-то мы шли по следам передового отряда, который выступил раньше нас. Эльса устраивала засаду в кустах и «нападала». Вдруг мы услышали протяжные крики. Из чащи вырвался осел, преследуемый Эльсой, которая безжалостно колотила его. К счастью, густые заросли мешали им быстро двигаться, мы догнали Эльсу и как следует ей всыпали. Прежде она никогда не позволяла себе ничего подобного. А я-то так гордилась тем, что она всегда слушается, когда ей запрещают нападать на животных. Виноватых было двое. Я неосторожно спустила Эльсу с поводка, а погонщик ослов не уследил за своим караваном. Как раз в этот день ослы, когда их вьючили, очень вызывающе вели себя, ходили у львицы под самым носом. Неудивительно, что она не удержалась от соблазна поколотить отставшего бродягу, когда он нечаянно попался ей на пути. После взбучки она долго извинялась, задабривала нас всякими трюками, и вскоре я уже готова была простить ее, тем более что пострадал старый осел, который давно всем нам опостылел своим упрямством.

Мы вышли на край кратера, делящего гору на две половины. До северного гребня каких-нибудь шесть километров, а идти надо не меньше двух дней. Я с

ужасом смотрела, как Эльса небрежно ходит по самому краю тысячеметровой пропасти. Похоже, что животные не знают страха высоты.

На следующий день мы спустились к входу в Иль-Сигата и разбили лагерь. До вечера мимо нас прошли тысячи верблюдов, коз и овец. Рослые пастухи из племени рендилл гнали скот к источникам в ущелье. Следом женщины вели цепочку связанных верблюдов, нагруженных плетеными бурдюками вместимостью около шести галлонов каждый.

Мы вошли в ущелье, ведущее в самое сердце горы. По его дну тянулось сухое русло, стиснутое головокружительными кручами. Отвесные стены вздымались на четыреста пятьдесят метров. Местами ущелье было так узко, что двум нагруженным верблюдам не разойтись. Сверху в него почти не проникал свет. В том месте, где вытекает тонкая струйка воды и, становясь ручейком, соединяет цепочку заводов, собирается скот. Но мы пошли дальше, пока путь нам не преградила десятиметровая стена. Герберт (он был альпинистом) сумел одолеть преграду и увидел вторую стену...

Иль-Сигата — излюбленное прибежище браконьеров. У водопоя очень удобно устраивать засаду. Здесь все пути к отступлению отрезаны, и животное обречено.

От Иль-Сигата до северной вершины мы дошли за полтора дня. Здесь было еще больше скота и пастухов самбуру, так что нам пришлось ограничить свободу передвижения Эльсы.

Дикие животные встречались редко. Прежде тут было много буйволов, но в последние шесть лет на северной стороне их совсем не видели. Большой куду нам не попался ни разу, хотя кое-где мы обнаружили его следы. Джордж считал, что тут повинен скот,

который уничтожает весь подножный корм, обнажая склоны гор.

Спуск по острым камням к Лойонгалану достался нам очень трудно. Мы то и дело летели кубарем, и нас не мог утешить даже изумительный вид на простершееся далеко внизу озеро Рудольф. В лучах заходящего солнца его гладь переливалась свинцом на фоне сине-лиловых гор и оранжевого неба.

А Эльса непрестанно оглядывалась на Кулал с его тенистым лесом и рвалась назад. Пришлось вести ее на поводке.

Вечером мы заблудились. Эльса старалась нам показать, как она устала. Пройдет несколько метров и ляжет. Хотя Эльса была уже почти взрослой, у нее осталась привычка в трудную минуту сосать мой большой палец. Но вот темное небо прочертили следы трассирующих пуль — это авангард подавал нам сигналы. Наконец мы вышли к лагерю. Эльса от усталости отказалась есть и все время льнула ко мне. Мне тоже кусок не шел в горло. Могу представить, как трудно ей было идти. Попробуйте объяснить львице, зачем нужно карабкаться через острые глыбы ночью. Только любовь и доверие к нам могли заставить ее идти дальше.

Несмотря на все лишения сафари, во время которого ей пришлось пройти почти пятьсот километров, Эльса еще сильнее привязалась к нам. Зная, что ее любят и не дадут в обиду, она была счастлива. Чувство ответственности за это гордое, умное животное, которое обратило на нас всю свою преданность и стадный инстинкт, укрепляло нашу любовь к Эльсе. Конечно, она, сама того не ведая, порой причиняла нам немало хлопот. Мы не могли никому поручить ее, а потому очутились как бы в плену у львицы. Но она сторицей вознаграждала нас за все хлопоты. Было трогательно наблюдать, как Эльса старается обуздать

свои инстинкты и приспособиться к нашему образу жизни, чтобы доставить нам удовольствие.

Дружелюбие Эльсы объяснялось, конечно, в первую очередь ее врожденным нравом, но большое значение имело и наше обращение с нею. Мы никогда не прибегали ни к насилию, ни к обману, чтобы побудить ее сделать что-либо, и старались только добром помочь ей одолеть барьеры, разделяющие наши миры.

Пока льву хватает дичи, он редко совершает длинные переходы. Если бы Эльса жила среди себе подобных, ей бы никогда не пришлось столько повидать. Но она помнила свой дом и, когда мы приезжали из очередного сафари, тотчас возвращалась к привычному образу жизни.

Глава шестая

ЭЛЬСА И ДИКИЕ ЛЬВЫ

Эльса — обаятельное существо. Всякий раз она непременно устраивает нам торжественную встречу, как бы коротка ни была наша разлука. Подойдет к каждому, потрется головой, помяукает. Сперва ко мне, потом к Джорджу, наконец к Нуру. Если мы кого-то приводим с собой, она и к гостю приласкается, тотчас улавливая, кому пришлась по душе. К тем, кто опасается ее в меру, она относится терпимо. Зато трусливым приходится худо. Нет, она никого еще не ранила, просто любит попугать.

Уже в детстве Эльса научилась пускать в ход свои килограммы. Со временем они стали серьезным оружием. Если ей надо было остановить кого-нибудь из нас, она бросалась под ноги и всем весом наваливалась на голени, так что человек падал.

Вскоре после сафари к озеру Рудольф Эльса во время дневных прогулок стала вести себя как-то беспокойно. Иногда она отказывалась идти домой и ночевала в буше. Чаще всего нам все-таки удавалось ее задобрить, пригнав лендровер. Эльса быстро уразумела, что не стоит тратить лишние силы, когда за тобой могут прислать машину. Она вскакивала на брезентовую крышу и катила домой, поглядывая сверху на прочих животных. Такой способ передвижения ей очень нравился, но крыша не была предназначена для ложа львицы, стойки стали прогибаться, и Эльса проваливалась все глубже. Пришлось Джорджу смастерить дополнительные опоры и укрепить брезент.

Когда мы были заняты, за нею по-прежнему присматривал Нуру.

Раз мы решили снять их на киноленту. Попросили Нуру принарядиться, и он облачился в кремовый пиджак с золотой отделкой, который купил когда-то для своей свадьбы. Ни дать ни взять укротитель львов. Но Эльса, увидев его, бросилась в буш и долго смотрела из-за кустов, прежде чем признала своего друга. Тогда она вышла и дала ему тумака, точно хотела сказать: «И не стыдно так пугать меня?»

Вместе им пришлось пережить немало приключений. Однажды, когда они отдыхали под кустом, с наветренной стороны показался леопард. Эльса внимательно следила за ним, но сидела неподвижно, только хвост у нее дергался. Леопард был уже совсем близко. Вдруг он заметил хвост и бросился наутек так стремительно, что едва не налетел на Нуру.

В год и одиннадцать месяцев у Эльсы прорезался глубокий бас. Еще через месяц снова началась течка, и она всюду оставляла свои метки, явно приманивая кавалера. Обычно она послушно следовала за нами повсюду, но теперь ее неизменно тянуло в долину. И в этот вечер она настояла на своем. Мы увидели на земле свежие отпечатки львиных лап. Когда стемнело, Эльса не пошла с нами обратно. Мы вернулись домой без нее. Джордж тут же сел в свой лендровер, а я осталась дома, на тот случай, если львица все-таки придет сама другим путем. Джордж не застал Эльсу на том месте, где мы расстались с нею. Позвал ее — никакого ответа, только эхо раскатилось среди холмов. Проехал еще километр-два. Наконец повернул назад, надеясь, что львица уже возвратилась домой. Но Эльсы все не было, и Джордж снова поехал в буш. Вскоре я услышала выстрел. Мне стало страшно, но еще больше я испугалась, когда он приехал и рассказал, что произошло.

Около получаса он петлял по дорогам, звал Эльсу, но она не показывалась. В конце концов Джордж

остановил лендровер на поляне, раздумывая, как поступить дальше. Вдруг метрах в двухстах от машины зарычали львы, явно не поладившие между собой. И тут же мимо него промчалась львица, за нею вторая. Он успел схватить ружье и выстрелить для острастки, думая, что это какая-нибудь ревнивая особа преследует Эльсу. Затем погнал машину за ними. Узкая дорога была окаймлена колючим кустарником. Джордж светил в обе стороны прожектором и чуть не наехал на льва и двух львиц, которые, недовольно рыча, уступили ему дорогу.

Вместе мы снова отправились на поиски, но, сколько ни звали Эльсу, она не откликалась. Вдруг опять неподалеку послышался львиный хор, точно львы задумали подразнить нас. Мы свернули туда и увидели поблескивающие во мраке три пары глаз. Что делать? Оставалось лишь ехать домой. Неужели Эльса будет сражена какой-нибудь ревнивицей? В эту пору она может подпустить к себе льва, а его супруга вряд ли захочет мириться с соперницей. И тут, к нашему величайшему облегчению, мы увидели Эльсу. Она обнюхивала какой-то куст и не желала замечать нас. Мы попробовали уговорить ее ехать с нами. Она не двинулась с места. Глаза ее были устремлены туда, где недавно рычали львы. В этот миг они снова подали голос и стали приближаться. В тридцати метрах позади нас было сухое русло, там вся компания остановилась, надрывая глотки.

Было уже за полночь. Эльса сидела в лунном свете между нами и зверьем. Ее звали с обеих сторон. Кто одержит верх? Она пошла к львам. Я крикнула:

— Нельзя, Эльса, не ходи! Они тебя убьют!

Она села опять, посмотрела сперва на нас, потом в сторону своих родичей, не зная, как поступить. Целый час просидела она так. Наконец Джордж выстрелами в воздух заставил львов уйти. Эльса все еще не могла решиться. Мы медленно поехали прочь, надеясь, что

она пойдет за нами. Так оно и вышло. Она нехотя затрусила рядом с машиной, потом вскочила на крышу, и мы прибавили скорость. Эльса приехала домой усталая, бросилась к воде и никак не могла напиться.

Что произошло за те пять часов, что она провела в обществе диких львов? Готовы они принять ее в прайд, несмотря на запах человека? Мог ли самец пренебречь самкой во время течки? Почему она не ушла с ними, а вернулась к нам? Испугалась злобной львицы? Это лишь часть вопросов, которые мы задавали себе. Так или иначе, на этот раз все обошлось благополучно.

Но после этого приключения зов джунглей явно с удвоенной силой зазвучал в ее душе. Она все чаще не возвращалась с прогулки, и мы не один вечер провели в поисках. В засушливую пору мы надеялись только на воду: кроме дома, Эльсе негде было напиться.

Ей очень нравились скалы, она выбирала себе какой-нибудь наблюдательный пункт повыше и подолгу сидела там. Однажды вечером нам так и пришлось оставить ее на скале, хотя по соседству кашлял леопард. Утром Эльса вернулась с кровоточащими царапинами. Уж не леопард ли задал ей трепку?

В другой раз после захода солнца она услышала хохот гиены и пошла на звук. Хохот сменился истерическими воплями, которые сливались с рычанием Эльсы. Джордж поспешил туда и подоспел как раз вовремя, чтобы пристрелить одну из двух гиен, которые атаковали львицу. Эльса тотчас проволокла в кусты свою «добычу», как в детстве таскала брезент. Но хотя ей уже исполнилось два года, она не знала, как распорядиться ею, не могла даже прокусить шкуру своими клыками.

По-прежнему Эльса больше всего любила играть с жирафами. Она подкрадывалась к ним по всем правилам искусства, но они неизменно обнаруживали

ее. Она никак не могла усмирить свой хвост. Лежит, как изваяние, а черный кончик хвоста дергается.

Приметив ее, жирафы затевали между собой соревнования в смелости. Выстроятся полукругом и, протяжно фыркая, медленно идут на нее. В конце концов Эльса срывалась с места и обращала в бегство все стадо. Дважды мы видели, как она преследовала старого самца. После двух километров бега жирафу игра надоедала. А может быть, его одолевала отдышка. Так или иначе, он сам переходил в наступление. Эльса петляла вокруг него, держась подальше от длинных передних ног старика. Одним метким ударом он мог разбить ей череп.

По нашим наблюдениям, течка наступала у нее через каждые два с половиной месяца. Нам говорили, что о состоянии львицы можно догадаться по громкому мурлыканью. Но хотя у Эльсы течка была уже два раза, мы не слышали никакого особенного мурлыканья. Зато у нее появился характерный запах, и она прилежно «метила» кусты.

Вскоре после приключения с дикими львами Нуру рассказал, что, когда они утром пошли на прогулку, Эльса вдруг стала рычать на него. Явно хотела одна уйти в холмы. Несмотря на зной, львица быстро исчезла среди скал, и он потерял ее след. Днем мы отправились туда и тоже быстро сбились со следа. Пробовали звать ее, но услышали в ответ странное рычание, непохожее на голос Эльсы. А через несколько минут она спустилась с горы, приветствуя нас «своим» голосом. Подошла и упала на землю, тяжело дыша. На лапах, плечах и шее у нее были длинные кровоточащие царапины, на лбу две ранки — следы зубов.^[11]

От нее пахло гораздо сильнее, чем обычно во время течки. Отдышавшись, Эльса, как всегда, потерлась о

наши колени и помурлыкала, словно говоря: «Послушайте, что со мной было!»

Уверившись, что мы восхищены ею, она заснула и проспала два часа. Видимо, Эльса встречалась со львом и наш зов разлучил их.

Еще через два дня она исчезла на целые сутки. Когда мы наконец отыскали ее след, то увидели по нему, что она была в обществе чужой львицы.

С той поры Эльса все чаще исчезала на ночь. Мы подъезжали к ее излюбленным убежищам на машине, звали ее, но она редко выходила на зов. Иногда бродила где-то по двое, по трое суток, не ела, не пила... Приближался сезон дождей. Когда воды станет всюду вдоволь, как бы нам вовсе не утратить власть над Эльсой! Нужно было искать какое-то решение, тем более что в мае нам предстояло уезжать в отпуск.

Эльсе было уже два года три месяца — почти совсем взрослая. Мы с самого начала знали, что не сможем всегда держать ее в Исиоло, не заточая в неволю. Поначалу мы задумали отправить Эльсу к сестрам в Роттердам и даже заранее все приготовили, на случай если потребуются сделать это быстро. Но теперь она сама распорядилась своим будущим, и надо было придумывать что-то другое.

Нам удалось вырастить Эльсу в естественной для нее обстановке. Она хорошо чувствовала себя в буше, и теперь дикие львы как будто готовы принять ее в свою компанию. Похоже, она исключение из правила, которое гласит, что дикий зверь, воспитанный людьми, неизбежно будет убит своими сородичами, так как от него пахнет человеком и он не приспособлен к жизни в зарослях. Почему бы не попытаться приучить ее жить самостоятельно на воле?

Мы решили провести вместе с Эльсой еще две-три недели и уже потом, если все будет в порядке, ехать в

отпуск. Здесь обычно принято выбирать для отпуска какое-нибудь место вне Кении, чтобы сменить климат.

Но где выпустить ее? Район Исиоло слишком густо населен. Правда, мы знали место, куда большую часть года не заходили ни люди, ни скот и где было много диких животных, особенно львов.

Мы получили разрешение перевезти туда Эльсу и стали готовиться. Нужно было поспешить, так как со дня на день могли начаться дожди.

Нам предстояло проехать около пятисот пятидесяти километров, пересечь нагорья и Рифт-Валли, миновать много ферм. Чтобы Эльсе не докучали любопытные и чтобы не страдать от жары, мы решили передвигаться ночью. Выезд назначили на семь вечера, но Эльса рассудила иначе. Напоследок мы пошли с нею прогуляться до ее любимых скал через долину. Здесь я в последний раз сфотографировала Эльсу на ее «родине». Она не любила сниматься и не любила, когда ее рисуют. Увидит, что на нее направлен противный блестящий ящичек, и отвернется или прикроет морду лапой, а то и просто уйдет. В последний день в Исиоло мы основательно надоели ей «лейкой». И теперь львица отыгралась. Я на секунду оставила фотоаппарат без присмотра, Эльса тотчас схватила его и умчалась прочь. Мы уже решили, что больше не увидим своей драгоценной «лейки». Целый час всевозможными хитростями мы пытались убедить львицу вернуть нам аппарат. Куда там, она только еще сильнее трясла его в зубах или начинала жевать, зажав его между лапами. Уж не помню как, но нам все-таки удалось вырвать «лейку». Удивительно, что она не так уж сильно пострадала!

Пора было возвращаться к дому и отправляться в путь. Но тут Эльса села на камень, устремив задумчивый взгляд на долину, и никакие силы не могли сдвинуть ее с места. А мы-то мечтали выехать с вечера

пораньше... Пришлось Джорджу отправляться за машиной. Но когда он подогнал лендровер к холмам, где мы оставили Эльсу, ее там уже не было! Видимо, пошла проветриться. Сколько он ни звал ее, никакого ответа. Лишь в одиннадцать часов она появилась и вскочила на крышу машины, милостиво позволяя везти себя домой...

Глава седьмая

ПЕРВАЯ ПОПЫТКА

Было уже за полночь, когда мы наконец поместили Эльсу в клетку и тронулись в путь. Чтобы легче было переносить дорогу, я дала ей успокоительное, совершенно безопасное, по словам ветеринара, и рассчитанное на восемь часов. Сама я села с нею в кузов. Скоро мы въехали в горы. На высоте двух с половиной тысяч метров над уровнем моря в ночные часы было очень холодно. Благодаря таблетке Эльса дремала, но все же то и дело высовывала лапы из клетки, проверяя, здесь ли я. Переезд длился семнадцать часов, а действие снадобья продолжалось еще целый час после того, как мы добрались до цели. За эти восемнадцать часов Эльса почему-то очень замерзла и дышала совсем медленно, я даже испугалась за ее жизнь. Все кончилось благополучно, но мы поняли, что нужно очень осторожно давать медикаменты львам. Они намного восприимчивее, чем другие животные, и, кроме того, каждый из них реагирует на разные лекарства по-своему. Это мы подметили еще раньше, когда посыпали львят порошком от насекомых. Один спокойно перенес обработку, у другого поднялась рвота, а у Эльсы даже начались судороги.

Мы прибыли на место во второй половине дня. Встречал нас один наш друг, местный инспектор. Лагерь мы разбили в чудесном месте, у подножия крутого откоса, вздымающегося над равниной на триста метров. По ленточке сочной зелени среди буша можно было определить, где извивается река. Полторы тысячи метров над уровнем моря, чистый прохладный воздух...

По соседству с лагерем паслись томми (газели Томсона), конгоны,^[12] гну, бурчеловы зебры, чалые антилопы, топи,^[13] иногда попадались буйволы. Это был подлинный рай для зверей. Пока ставили палатки, мы пошли с Эльсой на прогулку. Кругом было столько животных, что она не знала, за кем бежать. Точно желая поскорее отряхнуть с себя все воспоминания о неприятном переезде, она принялась носиться среди своих новых соседей, которые были очень озадачены внезапным появлением слегка ошалевшего льва. Впрочем, Эльса быстро устала и послушно пошла за нами в лагерь, где ее ждал обед.

С недельку мы решили повозить Эльсу кругом на крыше лендровера, чтобы она свыклась с местностью и обилием животных, среди которых было много новых для нее видов. Затем мы будем оставлять ее на ночь в буше. Пусть бродит в свое удовольствие, а утром ей привезут завтрак. С каждым днем кормить ее будут все меньше, чтобы она научилась охотиться сама или присоединилась к дикому льву.

Начали мы все это прямо на следующий день. Прежде всего сняли ошейник — свобода так свобода! Эльса вскочила на крышу машины, и мы поехали. Почти сразу неподалеку на склоне показалась львица. Она шла мимо антилоп, но они не обращали на нее внимания. Видимо, по ее размеренной, целеустремленной поступи понимали, что львица вышла не на охоту. Мы подъехали поближе. Эльса поспешно соскочила на землю и, негромко мяукая, осторожно пошла за нею. Но стоило львице остановиться и повернуть голову, как Эльса испугалась и со всех ног бросилась к машине. Львица решительно продолжала путь. Вскоре мы заметили шестерых львят, они сидели на торчащем из травы термитнике и ждали свою мать.

Потом мы застигли врасплох завтракающую гиену. Когда Эльса кинулась к ней, та подхватила кость и затрусила прочь. Ей удалось удрать, но кость она обронила.

И снова антилопы, стадо за стадом. Вид лендровера со львом на крыше вызывал у них такое любопытство, что они подпускали нас совсем близко. Эльса внимательно присматривалась к ним, но лежала тихо. Лишь заметив зазевавшихся антилоп, которые сводили счеты между собой или просто не видели нас, она тихонько спрыгивала на землю и подползала к ним на животе, прячась за бугорками и кочками. Стоило животному насторожиться, как она замирала на месте или изображала полное безразличие — облизывала лапы, зевала, каталась по земле. А как только «жертва» успокоится, Эльса снова начинала подкрадываться к ней. Но как она ни хитрила, ей ни разу не удалось выйти на позицию для прямой атаки.

Маленькие томи, полагаясь на неписанный закон буша (крупный зверь нападает на мелкого только когда голоден), вели себя просто нагло. Эти пострелы саванн, любопытные, подвижные, не знающие ни минуты покоя, дразнили, подзадоривали Эльсу, соблазняя ее погоняться за ними. Но львица всем видом показывала, что считает такие потехи ниже своего достоинства.

Иное дело буйволы и носороги. Мимо них нельзя было пройти равнодушно. Однажды мы заметили буйвола, который несся к нам галопом, очевидно привлеченный видом машины с львицей. Эльса мигом соскочила с крыши, укрылась за кустами и стала подкрадываться. Но и буйвол решил подкрасться к ней с другой стороны. Сидя в машине, мы видели, как они подбираются друг к другу все ближе и ближе... и вдруг чуть не столкнулись носом к носу! Буйвол обратился в бегство, Эльса бросилась за ним.

В другой раз Эльса обнаружила двух буйволов, мирно спавших в зарослях. Она помчалась туда и вызвала страшный переполох. Животные замычали, вскочили на ноги и, ломая кусты, убежали.

Не давала она покоя и носорогам. Во время очередной автопрогулки нам попался один здоровяк, который спал стоя, уткнувшись головой в куст. Эльса очень ловко подобралась к нему. Он проснулся лишь тогда, когда она была у него уже под самой мордой. Испуганно хрюкнул, повернулся кругом и ошалело кинулся в болотце по соседству. Эльса за ним. Он окатил ее водой, и в граде брызг они скрылись из виду. Эльсы долго не было, наконец она вернулась, мокрая и довольная.

Ей очень нравилось лазать по деревьям. Часто, отчаявшись найти Эльсу в высокой траве, мы обнаруживали ее в кроне какого-нибудь дерева. Порой она просто не знала, как спуститься. Был случай, когда Эльса долго примерялась и так и сяк, а сук, за который она цеплялась, трещал и гнулся под ее тяжестью. Из листьев свисали ее задние ноги и беспомощно дергающийся хвост. И вдруг она полетела в траву с высоты шести метров. Ей было очень неприятно, что она так опростоволосилась на наших глазах. Хотя Эльсе и нравилось смешить нас своими трюками, но быть посмешищем она не любила. И львица обиженно удалилась. Мы оставили ее в покое — пусть придет в себя. Когда мы отыскивали ее, она сидела этаким образом королевой, окруженная шестью гиенами. Но Эльса явно решила доказать, что она не такая уж беспомощная, как могло нам показаться после незадачи с деревом. Всем своим видом подчеркивая полное безразличие к гиенам, она зевнула, потянулась и пошла к нам. А они поплелись восвояси, удивляясь, должно быть, тому, каких друзей себе выбрала львица.

Как-то утром, заметив кружащих в воздухе грифов, мы отыскали льва, который только что убил зебру. Он увлеченно рвал добычу и даже не взглянул на нас. Эльса осторожно соскочила на землю и, мяукая, медленно пошла к льву, хотя он ее не звал. Наконец лев поднял голову и посмотрел на Эльсу, точно говоря: «Ты что, не знаешь порядка, женщина? Да как ты смеешь мешать своему господину во время трапезы? Можешь добыть что-нибудь для меня и потом сиди и жди, я заберу себе львиную долю, а что останется — тебе».

Его физиономия явно обескуражила Эльсу, и она поспешно вернулась к машине. Лев продолжал есть. Мы долго ждали, надеясь, что Эльса все-таки наберется храбрости, но она не хотела покидать надежное убежище.

На следующий день нам повезло больше. Мы увидели топи, который стоял, словно часовой, на термитнике, упорно глядя в одну точку. Поехали туда, и в высокой траве увидели на редкость красивого молодого льва с великолепной светлой гривой. Он лежал и грелся на солнце. Отличный жених для Эльсы! Мы остановили машину метрах в тридцати от него. Лев был слегка озадачен таким появлением невесты, но смотрел на нее дружелюбно. Эльса страшно смутилась. Она тихонько скулила и отказывалась слезать с крыши. Мы отъехали подальше, уговорили ее спуститься и быстро отогнали машину. Теперь, чтобы попасть к нам, ей нужно было пройти мимо льва. Она долго колебалась, наконец собралась с духом и пошла. В десяти шагах от красавца Эльса легла на землю, прижав уши и помахивая хвостом. Лев встал и направился к ней, но тут она не выдержала и стрелой помчалась к машине.

Мы поехали дальше и — вот ведь удача! — наскочили на прайд: два льва и львица со своей добычей. Видимо, они только что убили антилопу, так

как ели очень жадно и не обратили на Эльсу никакого внимания, хотя она всячески пыталась заговорить с ними. В конце концов, набив животы, львы удалились. Эльса тут же подбежала к остаткам их пира. Она впервые видела настоящую добычу, убитую львами, сохранившую еще их запах. Мы дали Эльсе насытиться, затем подтащили тушу поближе к любезному красавцу, надеясь, что, получив подарок от Эльсы, он проникнется к ней расположением. Оставив их наедине, мы уехали. А часа через два решили проверить, что же там происходит, но уже на полпути встретили Эльсу.

Под вечер мы опять отвезли ее к жениху. Он был на том же месте, и она, не слезая с крыши, заговорила с ним как со старым знакомым. Спускаться на землю она не хотела.

Как ее перехитрить? Мы заехали за куст, я вышла из машины и чуть не столкнулась с гиеной, застигнув ее врасплох в прохладном убежище. В тени под кустом лежал жеребенок зебры, очевидно убитый «блондином». Эльсе как раз пора было обедать, и она, позабыв о своих опасениях, набросилась на добычу. Мы воспользовались случаем и укатили. Пусть погуляет ночь одна.

Разумеется, нас очень занимал исход нашего опыта. Рано утром мы поехали в буш, предвкушая зрелище счастливой четы. Увы, мы нашли только Эльсу. Она сидела на том самом месте, где мы ее оставили. Но ни льва, ни добычи... Увидев нас, Эльса очень обрадовалась и принялась сосать мои пальцы, явно встревоженная: уж не обиделись ли мы на нее? Мне было неловко, но как объяснить, что мы о ней же заботимся? Наконец Эльса успокоилась и уснула. Тогда мы потихоньку ушли, снова оставив ее одну.

До сих пор мы всегда давали ей разделанное мясо, чтобы она не связывала пищу с животными. Теперь нужно было поступить наоборот. Пока она спала, мы

отъехали километров на сто (ближе охота была запрещена) и застрелили небольшую антилопу, которую подсунули ей целиком. Как-то Эльса с нею справится? Ведь у нее не было матери, чтобы научить ее! Но инстинкт сделал свое дело. Она начала рвать тушу в том месте, где была самая тонкая шкура, — в паху. Потом извлекла лакомые внутренности, съела их, а содержимое желудка, как и положено аккуратному льву, зарыла в землю и засыпала все следы крови. После этого она обглодала кости коренными зубами, сдирая мясо шершавым языком.

Так мы убедились, что Эльса умеет управляться с добычей. Пусть же теперь охотится сама! Местность для засад удобная, кругом кустарник. Спрятался, дождался, когда появится антилопа, и хватай ее.

Мы оставляли Эльсу в буше на два, на три дня, чтобы вынудить ее охотиться. Но всякий раз она встречала нас совсем изголодавшаяся. Легко ли продолжать опыт, когда очевидно, что Эльсе хочется быть только с нами и чувствовать нашу любовь! Она очень ясно показывала это — сосала мне пальцы, старалась удержать нас лапами... Однако для ее же пользы надо было проявить настойчивость.

Оказалось, что приучить ее к вольной жизни — дело куда более длительное, чем мы думали. Пришлось писать заявление начальству, чтобы нам разрешили провести свой отпуск на месте, не выезжая из страны. Ответ был положительным. Мы облегченно вздохнули. Теперь будет время завершить опыт.

Эльса оставалась одна все дольше и дольше. Мы обнесли свой лагерь надежной оградой, чтобы туда не мог проникнуть никакой лев и в особенности движимая голодом Эльса.

Как-то утром, вывезя ее на машине, мы встретили льва, который показался нам спокойным и миролюбивым. Эльса соскочила с крыши, мы тактично

оставили их наедине, а вечером, сидя в палатке внутри изгороди, вдруг услышали ее жалобный голос. Миг — и она уже около нас, даже колючки не смогли ее удержать. На шкуре Эльсы были видны длинные кровоточащие следы когтей. Она прошла больше десяти километров, предпочитая наше общество львиному!

В следующий раз мы решили отъехать подальше. По пути нам встретились две антилопы канны. Это были самцы весом не меньше семисот килограммов каждый. Эльса спрыгнула на землю и стала подбираться к ним. Они сражались между собой и в пылу схватки не сразу заметили ее. Зато потом Эльса еле-еле увернулась от могучего пинка. Она обратила антилоп в бегство и возвратилась, очень гордая своим подвигом.

Вскоре мы увидели в высокой траве двух львов. Чем не товарищи для Эльсы? Но она уже не доверяла нам и отказалась покинуть машину, ограничившись оживленной беседой со своими сородичами. Мы ничего не могли с нею поделаться и двинулись дальше. Вид двух дерущихся томми соблазнил Эльсу, она соскочила на землю, и мы поспешили уехать. Пусть продолжает знакомство с жизнью буша.

Разлука длилась почти неделю. Когда же мы вернулись, то сразу поняли, что она давно ждет нас и очень голодна. Сколько раз мы обманывали львицу, водили ее за нос, а она оставалась верна нам. Мы дали ей немного мяса, и Эльса сразу же набросилась на него. Вдруг мы услышали львиное рыканье. Появились два льва. Очевидно, они вышли на охоту и, учуяв мясо, помчались к нам. Бедняжка Эльса смекнула, что ей грозит, и скрылась. Вдруг откуда ни возьмись — видимо, он прятался в траве — появился маленький шакал и принялся жадно уписывать Эльсин завтрак, превосходно понимая, что долго есть ему не дадут. И действительно, один лев, сердито ворча, пошел прямо

на него. Но мясо есть мясо, и шакал не уходил, пока лев не очутился совсем рядом. Да и тогда малыш героически попытался утащить добычу с собой. Эльса смотрела издали, как у нее из-под носа исчезает еда, о которой она столько дней мечтала. А львы не обращали на нее никакого внимания, их занимало только мясо. Чтобы утешить Эльсу, мы увезли ее с собой в лагерь.

К нам то и дело наведывались гости. Однажды посмотреть на животных приехали на лендровере католический миссионер и один известный в Кении деятель с сыном. Джордж пригласил их в палатку и только хотел рассказать, что у нас живет прирученная львица, как любопытная Эльса сама примчалась на шум машины. Как всегда, она учтиво подошла к гостям поздороваться. Гости были порядком озадачены, особенно святой отец, но держались вполне достойно. А Эльса, выполнив долг вежливости, легла около стола и уснула.

Слухи о львенке привлекли в наш лагерь одну швейцарскую чету. Наверное, они представляли себе крошку, которую можно взять на руки, приласкать... Вид здорового зверя на крыше лендровера настолько ошеломил супругов, что они долго не соглашались выйти из своей машины и позавтракать с нами. Эльса очень любезно приняла гостей, только один раз смахнула хвостом со стола всю посуду. Супруги были от нее без ума, фотографировались с нею во всех ракурсах.

Прошел уже месяц с тех пор, как мы выехали из Исиоло. И хотя Эльса последние две недели в сущности провела в буше, охотиться она еще не научилась. А тут начался сезон дождей, не проходило дня без сильного ливня. Здесь было гораздо холоднее, чем в Исиоло, к тому же ливни превращали землю в жидкую грязь, тогда как дома у нас почва песчаная и быстро просыхает. В высокой, по пояс, траве лужи простаивали

неделями. Прежде Эльса любила дожди, теперь же ей явно было не по себе.

Однажды за ночь выпало больше ста двадцати миллиметров осадков. Вокруг лагеря, куда ни глянь, всюду была вода. По колени в грязи мы пошли разыскивать Эльсу и встретили ее на полпути. У нее был такой жалкий вид, она так соскучилась по нас, что мы взяли ее с собой в лагерь. А вечером вдруг услышали поблизости топот преследуемого животного. Вот он постепенно стихает вдаль... Что происходит? Истерически захохотала гиена, ей ответил визгливым лаем шакал. Но когда зарычали львы, оба смолкли. Львов было не меньше трех. Очевидно, они охотились где-то рядом с лагерем. Какой случай упускает Эльса! Все время, пока мы слушали этот причудливый хор, она терлась головой о наши ноги, показывая, как ей хорошо с нами.

Через несколько дней дожди прекратились, и мы возобновили попытки сделать из Эльсы дикого зверя. Она подозревала, что мы собираемся оставить ее одну в буше, и ни за что не хотела отправляться на прогулку. Потом она все же согласилась. Но когда нам попались львицы, Эльса шарахнулась от них.

Было очевидно, что она боится здешних львов. Мы решили не спорить больше, а дожидаться, когда у нее опять начнется течка. И тогда, может быть, она найдет себе супруга.

А пока надо научить ее охотиться, чтобы она не зависела от нас и стала бы хорошей парой дикому льву, если наконец отважится выбрать себе спутника.

Все вокруг было еще затоплено, и большинство животных собиралось на высотках, где посуше. Эльсе особенно пришелся по вкусу пригорок со множеством скал. Его мы и избрали для опытов. Жаль, что оттуда было всего тринадцать километров до лагеря. Мы

предпочли бы забраться подальше, но нам мешала погода.

Мы оставили Эльсу на пригорке на неделю, а когда приехали ее навестить, у львицы был такой грустный вид, что мне пришлось напрямч всю свою волю, чтобы не махнуть рукой на нашу затею. Мы посидели с нею, пока она дремала, положив голову мне на колени. Вдруг в зарослях за моей спиной раздался страшный шум. Носорог! Мы вскочили, я спряталась за деревом, но Эльса решительно пошла в наступление и обратила нахала в бегство. Мы воспользовались этим случаем и уехали.

Под вечер воздух был невыносимо тяжелым и влажным. Косые лучи заходящего солнца упирались в плотную завесу багровых туч, на сером небе переливались радуги. Но яркие краски быстро утонули в зловещем мраке, над нами стали громоздиться черные тучи. Все затаило дыхание: сейчас разверзнутся хляби небесные...

Упали редкие, тяжелые капли. И вдруг, точно две исполинские руки распороли небо, сверху на нас обрушился потоп. В несколько минут лагерь был окружен бурными реками. Ливень затянулся на много часов. Я представляла себе бедняжку Эльсу: одна холодной ночью, мокрая, дрожащая, несчастная. А тут еще гром, молния!.. Утром мы по воде прошли тринадцать километров до пригорка, где оставили Эльсу. Она встретила нас восторженно. Терлась головой, боками, мяукала, но видно было, что она обижена почти до слез. Нет, в такую погоду нельзя бросать ее одну. Пусть даже придется прервать обучение. Она ведь не привыкла к такому климату, приехала из полупустыни, ей нужно время, чтобы освоиться. Эльса была совершенно счастлива, шлепая с нами по воде домой.

А на следующий день она заболела. Любое движение причиняло ей боль, у нее распухли железы, поднялась температура. Мы настелили ей сухой травы под навесом у палатки Джорджа, и больная лежала там, тяжело дыша. Вид у нее был очень жалкий, ей дали лекарство. Она просила, чтобы я посидела с нею, и, конечно, я не отходила от нее.

Был разгар сезона дождей. Даже на машине с приводом на обе оси нельзя было пробиться до поселения, чтобы сделать там анализы. Пришлось отправить за полтора с лишним километров гонца. Оказалось, что у Эльсы глисты и солитер. Мы уже лечили ее один раз и от того, и от другого. И, во всяком случае, глистами нельзя объяснить высокую температуру и распухшие железы. Скорее всего, ее заразили каким-нибудь вирусом клещи. Видимо, иммунитет, выработанный у животного в одном районе, не действителен в другом. Должно быть, этим и объясняется неравномерное распространение некоторых видов животных в Восточной Африке.

Мы уже боялись, что Эльса не поправится. Но через неделю ей стало немного лучше. Два-три дня температура у нее держалась нормальная, на третий или четвертый — снова поднималась. Ее красивый золотистый мех потускнел, на спине появилось много белых волосков. Морда стала пепельно-серая, и львица через силу выбиралась из палатки погреться, когда проглядывало солнце. Единственное, что нас обнадеживало, — ее аппетит. Мы давали ей мяса и молока вволю, хотя и то и другое приходилось доставлять издалека. Все время мы поддерживали связь с ветеринарной лабораторией в Найроби. Но медики не находили у Эльсы признаков инфекции, и нам приходилось лечить ее наугад. Мы давали ей средство от глистов и риккетсии — микроба, переносимого клещами. Взять у нее для проверки

шприцем жидкость из железы было невозможно, оставалось только окружить ее предельной заботой и следить, чтобы никто не нарушал ее покоя. Она была нам за все очень благодарна и часто обнимала меня, когда я клала голову ей на плечо.

В эти дни зависимость Эльсы от нас возросла еще больше, львица стала совсем ручной. Большую часть дня она лежала поперек входа в ограде, окружающей лагерь. Отсюда Эльса могла одновременно следить за тем, что делается в лагере и в буше. Во время обеда бои перешагивали через львицу, ей лень было даже подвинуться. Смеясь, они с полными тарелками в руках прыгали через препятствие, а Эльса шутя шлепала их.

Ночью она спала в палатке Джорджа, но ей была предоставлена полная свобода приходить и уходить, когда захочется. Однажды Джордж проснулся среди ночи и услышал, как Эльса силится пробраться под стенкой на волю. Он приподнялся и увидел у входа какой-то силуэт. Эльса не могла так быстро обежать вокруг палатки... Джордж включил фонарик. На него, моргая от света, смотрела чужая львица. Он крикнул на нее, и львица ушла. Очевидно, она учуяла Эльсу, потом услышала ее голос и решила, что можно спокойно входить в палатку.

Эльса болела уже шестую неделю и все никак не могла оправиться. Было ясно, что ей не подходит здешний климат и у нее нет иммунитета против инфекций, переносимых местными клешами и мухами цеце. Да и по виду Эльса отличалась от львов этого района.^[14] Она была намного темнее, с более удлинённой мордой и крупными ушами, зато меньше ростом. Словом, горы не годились для этой уроженки полупустыни. Так как наш лагерь был в заповеднике, Джорджу приходилось уезжать на охоту за тридцать километров, и он не мог брать Эльсу с собой, чтобы

научить тому, чему обучила бы мать. За три месяца мы ничего не добились, значит, надо искать более удобное место.

Для обучения Эльсы нужен был район с благоприятным климатом, где вдоволь воды, достаточно дичи, отсутствуют поселения и охотники и куда можно проехать на машине. Мы нашли такой район и получили разрешение отвезти туда Эльсу. Вот кончатся дожди, и отправимся.

Мы свернули лагерь и погрузили все на машины. Все, кроме Эльсы! В тот самый день у нее началась течка, и она ушла в буш. Этого мы ждали два с половиной месяца, но теперь уже выяснилось, что здесь Эльса не приживется...

А Эльса не показывалась. Мы искали ее и на машине, и пешком, но не нашли. Неужели ее убила дикая львица?.. Оставалось только ждать и надеяться. Эльса прогуляла двое суток. Правда, один раз она прибежала, потерлась головой о наши колени, опять убежала, через несколько минут вернулась, снова потерлась, ушла и опять возвратилась, точно хотела сказать: «Если бы вы знали, как мне хорошо! Поймите, я вынуждена уйти. А теперь просто пришла сказать вам, чтобы вы не беспокоились».

И скрылась.^[15] Когда же она вернулась окончательно, то была вся исцарапана и рассердилась, когда я хотела оказать ей первую помощь. Нам еле удалось убедить ее прыгнуть в грузовик.

Так закончился первый опыт. Закончился неудачей из-за болезни Эльсы. Но мы не сомневались, что в конце концов добьемся успеха. Нужно лишь время и много терпения.

Глава восьмая

ВТОРАЯ ПОПЫТКА

Нам надо было проехать около семисот километров. Бывают такие путешествия, когда все не ладится. Так было и у нас. Уже через двадцать километров расплавился подшипник на машине Джорджа. Пришлось мне ехать за полтораста километров до ближайшего пункта, где можно было достать новый подшипник. Я отправила его Джорджу, а сама осталась тут на ночь, заперев Эльсу в грузовике. У Джорджа не оказалось ключа нужного диаметра, он орудовал молотком и зубилом, потратив на ремонт не один час, и догнал меня только под вечер. В течение ночи и следующего утра у нас было шесть проколов. А в девять часов вечера, когда до места оставалось всего двадцать километров, мотор моего грузовика вдруг принялся зловеще кашлять. Мы не решились ехать дальше, заночевали на раскладушках под открытым небом. Пятьдесят два часа почти непрерывной езды измотали нас вконец. Эльса все время вела себя образцово. Теперь она грузно опустилась на землю и тотчас заснула.

Мы опасались, что утром ее трудно будет затащить в машину, тем более что Эльса успела облюбовать себе на день логово в камышах на берегу речушки, по соседству с лагерем. Переправа предстояла трудная, и мы условились сначала форсировать реку на машинах, а уж потом забрать Эльсу.

Лендровер переправился легко, но мой грузовик застрял, и пришлось его вытаскивать. Мы вернулись вброд и предложили Эльсе покинуть свое прохладное убежище. Она сразу же послушалась, перешла с нами

реку и вскочила в мою машину, точно понимая, что поездка еще не окончена и надо быть покладистой.

Дальше путь пролегал через буш по скверной дороге. Злоключения продолжались: через несколько километров у грузовика лопнула рессора. Только под вечер мы наконец добрались до новой обители Эльсы.

Место здесь было дикое. Чтобы пробиться к хорошей лагерной площадке, Джордж и бои четыре дня прорубали путь сквозь буш. Мы обосновались на берегу красивой реки, среди обвитых лианами пальм дум, зонтичных акаций и смоковниц. Пенистый поток, бурля, скакал через пороги и обтекал островки камыша. А под скалами были глубокие заводи, сулящие великолепную рыбную ловлю. Джорджу не терпелось снарядить удочки.

Местность эта сильно отличалась от заповедника. Здесь много теплее, нет открытых пространств с огромными стадами диких животных, все покрыто колючим кустарником, дальше нескольких метров уже ничего не увидишь. Не очень-то хорошо для охоты. Зато всего за пятьдесят — шестьдесят километров от родины Эльсы ландшафт такой, к какому она привыкла с рождения.

Выйдешь из пышных береговых зарослей, и тебя словно обдаст дыханием печи. Экватор совсем близко, а высота над уровнем моря около пятисот метров. Сквозь сухую колючую чащу можно пройти только звериными тропами. Следы и помет слонов, носорогов, буйволов свидетельствуют, что животные ходят тут повседневно. В двухстах метрах от лагеря был солонец. Судя по отпечаткам бивней и рогов, сюда частенько наведывались слоны и носороги. Едва ли не на каждом дереве кора была отполирована или содрана слоновьими боками. Эльсе негде было поточить когти. Только великаны баобабы вздымали над кустарником

свои неповрежденные пурпурно-серые стволы. Кора у них гладкая — спину не почешешь.

Идеальным убежищем для львов была красноватая гряда с множеством утесов и пещер. Там, в укромных уголках, резвились даманы. С вершины открывалась отличная панорама. Мы видели, как жирафы, водяные козлы, малый куду, жирафовые и лесные антилопы направляются к реке — жизненной артерии этой безводной полупустыни.

Помогло ли Эльсе лечение или перемена климата, во всяком случае она с каждым днем крепла, и мы смогли возобновить обучение. Ранним утром и под вечер возили ее на прогулку, пробираясь звериными тропами или вдоль высохших песчаных русел. Эльса любила эти прогулки. Она ловила запахи, изучала следы животных, которые прошли здесь ночью, каталась на помете слонов и носорогов, гоняла бородавочников и антилоп дик-дик. Да и нам не мешало примечать следы, определять их давность и направление, наблюдать за ветром, ловить все звуки, не то наскочишь на носорога, слона или буйвола. Такие неожиданные встречи нос к носу самые опасные.

Теперь Эльса могла ходить с Джорджем на охоту. Убивать животных мы не любили, но ради нее пришлось пойти на это. Ведь львица все равно убивала бы животных, если бы выросла дикаркой. И это нас чуточку успокаивало. Чем быстрее мы научим Эльсу охотиться, тем лучше будет для всех нас. Уроки должны проходить так: Эльса подкрадывается к дичи, Джордж стреляет, а потом уж она сама добывает жертву. После этого Джордж уходит, предоставляя Эльсе охранять добычу от грифов, гиен и чужих львов. Так она познакомится с обитателями буша.

Львы часто рычали около лагеря, и мы видели много их следов. Однажды вечером Эльса не вернулась домой со своего излюбленного поста на вершине. Место там

было отличное: прохладный ветерок, никаких мух цеце, все видно далеко вокруг. Мы еще не успели изучить край как следует, поэтому встревожились и пошли искать ее. Уже давно стемнело, буш кишел опасными хищниками, и нам было страшновато в зарослях. Следов Эльсы мы не нашли и вернулись ни с чем.

А на рассвете снова отправились в буш и увидели отпечатки Эльсиных лап рядом со следами льва. Они спускались к реке и продолжались на противоположном берегу, там тоже были скалы. Может быть, лев обосновался среди них и увел Эльсу в свое логово?

Днем бабуины, обитавшие вблизи лагеря, подняли страшный шум. Уж не Эльса ли возвращается? Так и есть, она переплыла речку, подошла к нам, потерялась и взволнованно принялась рассказывать о своих приключениях. Хорошо, что она не исцарапана. Ведь всего две недели назад ей сильно досталось от льва. Благополучный исход нового знакомства мы сочли добрым признаком.

Как-то утром нам встретился водяной козел. Это был удобный случай посвятить Эльсу в искусство охоты. Джордж выстрелил, и прежде чем козел упал, Эльса впиалась ему в глотку, как бульдог, и не разжимала челюстей, пока не задушила его. Впервые она убила животное, весом равное ей самой. Инстинкт подсказал Эльсе, куда нанести удар и как быстрее расправиться с добычей. Именно так действуют львы. Они не переламывают жертве шею, как думают некоторые.

Сперва Эльса съела хвост (позднее, как мы заметили, она всегда с него начинала), затем вспорола живот от паха, проглотила внутренности, а содержимое желудка зарыла в землю и засыпала следы крови. Может быть, она это делает, чтобы обмануть грифов? Наконец львица схватила козла зубами за шею и поволокла в тенистый кустарник метрах в пятидесяти от того места, где он был убит. Там мы ее и оставили

охранять свой обед от грифов днем и гиен ночью. Часто можно услышать, что лев переносит жертву на спине. Ни Джорджу, ни мне не доводилось этого наблюдать. Мелкого зверя — собаку или зайца — львы несут в пасти, а что покрупнее волокут так, как это делала Эльса.

Позднее мы наведались к ней, захватив с собой воды. Как ни любила Эльса наши вечерние прогулки, на этот раз она отказалась отойти от своей добычи и даже не пришла домой, когда стемнело. А в три часа утра нас разбудил сильный ливень, и вскоре появилась Эльса.

Раненько утром мы решили взглянуть, что осталось от ее козла. Исчез, конечно. Кругом только лабиринт следов гиен и львов. Мы услышали поблизости львиные голоса. Кто же все-таки вынудил Эльсу уйти ночью — дождь или львы?

Эльса выглядела теперь гораздо лучше, но она еще не совсем поправилась и предпочитала большую часть дня проводить в лагере. Чтобы приучить ее к тенистым уголкам на берегу реки, Джордж стал брать ее с собой на рыбалку. Она внимательно следила за малейшей рябью на воде. Только клюнет, как Эльса прыгает в воду, приканчивает трепещущую рыбу и тащит на берег. И тут уж не зевай, скорее выручай крючок, иначе Эльса убежит с рыбой в лагерь и положит ее на кровать Джорджа, точно желая сказать: «Эта странная холодная добыча — твоя!» Потом вернется и ждет следующей поклевки. Веселая игра, но нам пришлось придумывать, чем отвлечь Эльсу от лагеря.

У реки росло раскидистое дерево, его нижние ветви почти купались в воде. Я любила сидеть здесь в прохладной полутени под зеленым пологом и, укрывшись за ветвями, глядеть на животных. Сюда, на водопой, приходили лесные антилопы, малый куду, красивый молотоглав. Резвились потешные бабуины. Сидя вместе с Эльсой, я чувствовала себя словно у врат

рая: полное доверие между людьми и животными. Журчит неторопливая река... А что, если устроить здесь рабочий кабинет? Я смогу писать, заниматься живописью. Мы сколотили из ящиков стол и скамейку, широкий ствол дерева был удобной спинкой. Можно приступать к работе!

Стоя на задних лапах, Эльса недоверчиво обнюхивала мольберт и пишущую машинку. Потом бесцеремонно оперлась передними лапами на мои орудия труда и облизала мне лицо, точно проверяя, люблю ли я ее по-прежнему. Наконец она улеглась у моих ног. Я застучала на машинке, исполненная вдохновения, совсем забыв о зрителях. Только сосредоточилась, как вдруг из листвы, тьякнув, выглянул бабуин. В тот же миг множество мордочек появилось в кустах на противоположном берегу. Их привлекала Эльса, и они подбирались все ближе. Крича и тьякая, бабуины лихо прыгали с дерева на дерево, скользили вниз по стволам, стрелой взлетали на макушки, пока один малыш вдруг не шлепнулся прямо в воду. Тотчас старый бабуин бросился на выручку и вытащил из реки промокшего перепуганного беднягу. Поднялся такой шум, словно все бабуины мира собрались вокруг нас. Тут Эльса не выдержала, прыгнула в воду и под ликующие вопли обезьян поплыла на ту сторону. Выйдя на берег, она с ходу попыталась схватить одного из озорников, который раскачивался на ветке почти у самой земли. Он мигом забрался выше и, приплясывая, стал строить львице рожи. Остальные бабуины тоже включились в эту игру. Чем сильнее злилась Эльса, тем больше они потешались. Сидя на недосыгаемой для нее высоте, они чесались с таким видом, точно не замечали разъяренной львицы. Это было настолько забавно, что я не удержалась и решила снять на киноленту всю эту унижительную для Эльсы сцену. Этого львица снести не

могла. Заметив, что я направила на нее ненавистный ящичек, она поспешила снова переплыть реку и, не дав мне опомниться, сбила с ног. Мы вместе покатались по песку. Мой бедный драгоценный «болэкс»! Бабуины восторженно рукоплескали нашему спектаклю. Боюсь, мы обе — Эльса и я — сильно пали в глазах наших зрителей.

С этого дня обезьяны не давали Эльсе проходу. Постепенно обе стороны хорошо изучили друг друга. Эльса изображала полное пренебрежение, но бабуины наглели с каждым днем. Они спускались на водопой напротив нас, так что от львицы их отделяло всего два-три метра. Один из них стоял на посту, остальные, сидя на берегу, не спеша пили воду.

Но не только обезьяны дразнили Эльсу. Как-то раз, когда мы притащили домой убитую антилопу, из зарослей вышел варан. Это совершенно безопасная, довольно крупная (до полутора метров длиной и до пятнадцати сантиметров толщиной) ящерица с раздвоенным на конце языком. Варан живет в реках, питается рыбой, но не откажется и от мяса. Иные уверяют, будто он предупреждает о появлении крокодилов. Это, конечно, выдумка. Зато точно известно, что варан пожирает крокодильи яйца, осуществляя, так сказать, контроль рождаемости.

Наш гость ухитрился урвать несколько кусков добычи, предназначенной для Эльсы. Она хотела схватить варана, но куда там! Он был слишком юркий. Тогда Эльса спрятала козла подальше, чтобы варан не мог до него добраться. Меня она подпускала к своей добыче, даже любила есть у меня из рук. Джорджу и Нуру тоже разрешалось трогать ее мясо. Мы ведь принадлежали к ее прайду, с нами она была готова делиться, но варан пусть лучше не суется! Впрочем, среди людей она тоже только для нас делала исключение.

Словом, мы наслаждались бы полной идиллией, не будь Эльса плотоядным зверем, которого надо натаскивать на убийство. Нашей следующей жертвой была жирафовая антилопа. Эльса добила ее и осталась сторожить добычу в нескольких километрах от лагеря. На обратном пути нам встретился лев, который шел туда, где мы оставили львицу. Неужели так быстро учуял мясо? Вернувшись под вечер, мы не застали на месте ни Эльсы, ни антилопы, зато множество крупных львиных следов говорило о том, что тут произошло. Мы шли за ними больше трех километров и еще издали заметили в бинокль Эльсу на ее любимой скале. Видимо, она смекнула и выбрала единственное место, где можно было не опасаться других львов и где мы ее легко могли найти.

Однажды ночью нас разбудил шум. Не успели мы опомниться, как Эльса выскочила из палатки и бросилась отгонять врага от своего «логова». Топот, хрюканье, потом все стихло. Эльса навела порядок. Запыхавшись, она прибежала обратно, повалилась на землю рядом с кроватью Джорджа и положила на него лапу, точно успокаивая: «Все в порядке. Это был носорог».

Через несколько дней ее выманили ночью из палатки слоны. Они подняли крик по соседству с лагерем, и Эльса сочла нужным вмешаться. К счастью, ей удалось их отогнать. Слоны — единственные животные, способные нагнать на меня страх, и я отлично представляла себе, что все могло бы получиться наоборот: они могли напасть на Эльсу, а она, естественно, кинулась бы за защитой к нам. Джордж высмеял мои опасения, но ведь нельзя всегда полагаться на свою удачу...

Как-то к нашему лагерю повадился ходить буйвол. Он являлся ежедневно, пока Джордж не подстрелил его. Эльса увидела буйвола уже мертвым, однако

пришла в страшное неистовство. Мы никогда не видели ее такой. Она бросалась с разных сторон на тушу, кувыркалась через нее. Но как львица ни бесновалась, она все же следила за тем, чтобы не очутиться вблизи грозных рогов. Наконец Эльса потрогала лапой буйволу морду: правда ли он мертв.

Джордж убил буйвола главным образом для того, чтобы приманить диких львов. Мы надеялись устроить общий пир, чтобы Эльса подружилась с ними. Но нам хотелось своими глазами посмотреть на эту сцену, так что мы решили подтащить буйвола к лагерю и здесь передать Эльсе. Когда мы подъехали к буйволу на машине, все деревья кругом были усеяны грифами и марабу. Эльса сидела на солнцепеке и не подпускала их. Нам она очень обрадовалась: ее семья прибыла, теперь можно и в тень...

Но когда бои принялись вспаривать толстенную шкуру буйвола, Эльса не выдержала и присоединилась к ним. Она помогла вскрыть его брюхо и, пренебрегая близостью острых ножей, извлекла внутренности и с наслаждением съела их. Кишки она всасывала в себя, точно вермишель, сжимая их зубами, так что содержимое выдавливалось, словно зубная паста из тюбика. Она спокойно смотрела, как мы захватили тушу цепью и прицепили к машине. А когда наш лендровер, поднатужившись, поволок буйвола через кочки, Эльса добавила еще полтораста килограммов, вскочив на брезентовую крышу.

Около лагеря мы привязали тушу к дереву. Эльса ревниво стерегла добычу весь день и всю ночь. Судя по непрекращавшемуся визгливому хохоту гиен, глаз ей сомкнуть было некогда. Наутро мы застали ее на посту. Завидев нас, Эльса отошла от буйвола, предоставляя нам стеречь его. Она затрусилась к речке, а мы прикрыли тушу от грифов колючими ветками. Пусть еще ночь Эльса поупражняется в защите добычи.

Вечером мы, как всегда, отправились на прогулку. Эльса пошла с нами. Живот ее, набитый мясом, качался из стороны в сторону. Только мы отошли от лагеря, как она заметила в буже гиену, которая явно направлялась к буйволиной туше. Эльса замерла в стойке, подняв левую лапу. Потом медленно-медленно легла и совершенно слилась с сухой травой. Вся подобралась, Эльса следила за гиеной, которая трусила к буйволу, не подозревая, что ее обнаружили. Когда осталось всего несколько метров, Эльса метнулась к гиене и дала ей хорошего тумака. Та взвыла и шлепнулась на спину, продолжая жалобно скулить. Эльса взглянула на нас и кивнула в сторону наказанной, точно говоря: «Что мы с нею будем делать?»

Мы не откликнулись на ее призыв. Тогда она принялась облизывать лапы с видом полного равнодушия к презренной, поверженной твари. Наконец гиена поднялась на ноги и, визгливо огрызаясь, побрела прочь.

Эльса не раз показывала, что полностью доверяет нам. Как-то вечером мы оставили ее сторожить антилопу, которую они с Джорджем убили вдали от лагеря. Мы знали, что ночевать тут она не захочет, и отправились за машиной, чтобы подтащить тушу ближе к палаткам. А когда приехали, то не застали ни Эльсы, ни антилопы. Но вскоре львица появилась и повела нас в укрытие, куда спрятала добычу, пока нас не было. Эльса очень обрадовалась нам, но, как я ни хитрила, она не давала оттащить тушу к машине. Тогда мы подогнали лендровер вплотную, и я стала оказывать поочередно на машину и на антилопу. Пойми, Эльса, мы тебе же хотим помочь! И она поняла. Поднялась на ноги, потерлась головой о мои колени и поволокла тушу из кустов к машине. Она попробовала даже втащить антилопу за голову в кузов лендровера. Потом

сообразила, что, стоя на земле, ничего не добьешься, вскочила в машину и стала тянуть оттуда. Мы подхватили антилопу за задние ноги. Наконец добыча очутилась в машине, и запыхавшаяся Эльса уселась на нее. В буше нас здорово трясло. Львица смекнула, что в кузове ей сидеть неудобно, выпрыгнула на ходу и вскочила на крышу. Сверху она все время заглядывала в кузов: на месте ли добыча?

Когда мы приехали и принялись сгружать тушу, Эльса не стала противиться. Наоборот, она предоставила нам самим справиться с этой работой. Я в разгрузке не участвовала. Тоща Эльса подошла и подтолкнула меня: «А ты чего стоишь?»

Туша осталась лежать недалеко от лагеря, но Эльсу это не устраивало, и мы вскоре услышали, как она волочет добычу по земле. Не иначе, решила затащить ее к нам в палатку. Мы быстренько затворили калитку: пусть-ка лучше остается за оградой со своей благоухающей антилопой! Бедная Эльса, в палатке она чувствовала себя куда надежнее, а тут сторожи под открытым небом всю ночь. Надо хоть устроиться поближе к изгороди. Это Эльса и сделала. Ночью гиены подняли такой гвалт, что мы никак не могли уснуть. Видимо, Эльсе в конце концов надоело отгонять этих назойливых бестий. Мы услышали, как она протащила тушу к реке и переправилась на другой берег. Пришлось гиенам убираться восвояси. Эльса будто знала, что они не пойдут за нею через реку.

Утром мы отправились по следу. Выяснилось, что львица все-таки не захотела уходить слишком далеко от нас: следы вели обратно, на наш берег. Она укрыла тушу в густом кустарнике так, что к ней можно было подойти только со стороны воды. Здесь мы ее и застали. Всем своим видом Эльса показывала, как она обижена на нас за то, что мы не пустили ее домой. И далеко не сразу мы удостоились ее прощения.

Хотя Эльса росла без матери и некому было ее наставлять, она инстинктивно чувствовала меру в своих стычках с дикими животными. Часто, когда мы вместе гуляли в буше, она начинала принюхиваться, потом тихонько уходила, и вдруг до нас доносился треск кустов и топот бегущих животных. Не раз Эльса отгоняла прочь носорогов. Отличный сторожевой пес!

На гряде неподалеку от лагеря всегда ходило много буйволов, и Эльса не упускала случая расшевелить этих тяжеловесов. Застигнет их врасплох спящими и давай прыгать вокруг, ловко уворачиваясь от рогов. Не угомонится, пока не заставит уйти.

Однажды утром мы шли вдоль сухого русла, читая на песке повесть о происшествиях минувшей ночи. Главные роли в ночном спектакле играли два льва и несколько слонов.

Становилось жарко, мы шли уже четыре часа и порядком устали. Дул встречный ветер. Неосмотрительно обогнув излучину, мы чуть не наскочили на стадо слонов. К счастью, Эльса трусила несколько позади нас и не сразу заметила их. Мы успели выскочить на крутой откос, пока слоны, тщательно оберегая своих слонят, поднимались на противоположный берег. Замыкал отряд старый самец, готовый дать отпор любому, кто посягнет на их спокойствие. Вдруг полусонная от зноя Эльса заметила их, остановилась и села. Что сейчас будет?.. Долго, бесконечно долго смотрели они друг на друга. Наконец слон пошел догонять стадо, а Эльса стала кататься по земле, сгоняя мух со спины.

По пути домой Джордж выстрелил в водяного козла, стоящего в реке. Козел был ранен, но из последних сил выбирался к берегу. Эльса поразительно быстро форсировала поток и кинулась за ним. Мы нашли ее на том берегу возле добычи. Она была сильно возбуждена и не позволила нам прикоснуться к козлу. Ладно,

пойдем домой, пусть сама управляет. Но едва мы вошли в воду, Эльса потянулась за нами. Ей не хотелось оставаться с добычей на том берегу, не хотелось и терять ее. Она нехотя возвратилась к козлу, потом опять пошла к реке. Мы уже переправились. И тут она решилась.

Львица поволокла добычу к воде. Что она затеяла? Неужели надеется переправить такую тяжесть? А Эльса, схватив зубами козла, поплыла через реку, то и дело окуная голову, чтобы ухватиться получше. Она тянула, толкала, дергала... Иногда над водой торчал лишь хвост львицы или нога козла. Эльса трудилась полчаса и наконец все-таки доставила добычу к берегу. Устала она здорово, а дело еще не было закончено. Стоя в мелкой заводии, где козла не могло унести течением, она высматривала, куда бы получше спрятать свой трофей. Вдоль крутого берега плотной стеной стояли усеянные колючками молодые пальмы дум. Сквозь них не пробиться.

Мы оставили Эльсу охранять добычу, а сами пошли завтракать. Потом, захватив веревки и ножи, спустились к реке и прорубили в зарослях ход до самой воды. Пока Эльса настороженно следила за действиями мужчин, я накинула петлю на голову козла. Когда мы потянули за конец веревки, Эльса прижала уши и заворчала. Решила, что мы хотим отнять у нее добычу. Но, увидев, что я взялась за веревку, она успокоилась и подошла к нам. Общими усилиями мы выволокли козла вверх. Здесь для Эльсы уже было приготовлено тенистое убежище. Наконец она поняла, что мы трудимся для нее. И стала благодарить каждого по очереди: подойдет, потрется головой, помяукает.

Во время прогулок Эльсе очень докучали мухи цеце. На нее не действовала переносимая ими инфекция, но укусы сами по себе были болезненными. Чтобы избавиться от мух, она протискивалась под кустами,

каталась по земле или ложилась у моих ног и просила помочь.

Дважды я видела, как Эльса невозмутимо пересекала широкий поток черных муравьев. Ее большие лапы вносили смятение в их стройные колонны. Эти крошечные воины яростно атакуют любое препятствие на своем пути, во Эльсу они почему-то не трогали.

Как-то раз я брела следом за львицей до того уставшая, что ничего не замечала вокруг. Вдруг она сердито рявкнула, поднялась на дыбы и отпрянула назад. В полутора метрах над землей, нацелившись на нас, в развилине ствола лежала красная кобра. Спасибо Эльсе, что она была начеку. От кобры лучше держаться подальше. До сих пор я ни разу не видела этих змей на деревьях. Даже Эльса оробела и несколько дней старалась обходить это место стороной. Стояла жаркая пора, Эльса частенько забиралась в реку. Крокодилов там было много, но они не трогали ее. Она решительно прыгала в воду за цесарками, которых Джордж стрелял у реки, а заодно пользовалась случаем поплескаться в воде. Ей было так же приятно поиграть, как нам смотреть на нее.

Теперь Эльса совсем поправилась и чувствовала себя превосходно. Она была очень консервативна в своих привычках. Бели не считать незначительных отклонений, у нас установился такой распорядок: утром прогулка, днем «мертвый час» под моим деревом на берегу реки, после чая вечерняя прогулка. По возвращении из буша Эльсу ждал обед. Обычно она тащила свой кусок мяса на крышу лендровера и оставалась там, пока мы не гасили свет и не ложились спать. Тогда Эльса приходила в палатку Джорджа и устраивалась рядом с ним на земле, положив одну лапу на его кровать.

А однажды вечером она отказалась идти с нами на прогулку. Когда же стемнело и мы вернулись в лагерь, ее там не было. Эльса пришла только утром. Позднее мы увидели рядом с лагерем отпечатки лап крупного льва. А у Эльсы появился запах, присущий ей во время течки. Да и все ее поведение изменилось. Она держалась очень приветливо, но относилась к нам не так нежно, как всегда, и сразу же после завтрака исчезла на весь день. Вернулась она уже поздно вечером и прыгнула на крышу лендровера. Я тотчас вышла из палатки поиграть с нею, но Эльсе было не до меня. Она соскочила на землю и скрылась во мраке. Ночью я слышала, как она плещется в реке под сердитые вопли потревоженных бабуинов. Это продолжалось до рассвета. Утром Эльса заглянула в лагерь, разрешила Джорджу погладить ее, помурлыкала и удалилась. Очевидно, она была влюблена.

Мы знали, что это продлится дня четыре. В отличие от прежнего лагеря здесь все благоприятствовало Эльсе. Кажется, нам теперь удастся приучить ее к вольной жизни. И мы решили на недельку удалиться, оставив ее наедине с женихом. Только надо побыстрее собраться, чтобы уехать незаметно.

Но Эльса появилась, когда мы еще укладывались. Пришлось мне заняться ею, а Джордж тем временем должен был свернуть лагерь, отогнать машины на несколько километров и потом послать за мной.

Я повела Эльсу к нашему дереву на берегу реки. Неужели мы последний раз вместе?.. Она что-то чуяла. Я старалась не показывать виду, даже захватила машинку и принялась стучать на ней, чтобы усыпить все подозрения, но Эльса тревожилась, да и я от волнения писала через пятое на десятое.

Мы давно готовились предоставить ей полную волю и верили, что для нее это будет лучше, чем плен. Но

одно дело готовиться к этому и совсем другое — действительно разлучаться, подводить черту и уезжать, с тем чтобы, быть может, никогда больше не увидеться вновь. Эльса явно уловила мое смятение, она все время терлась о меня своей шелковистой головой.

Перед нами лениво струилась река — как вчера, как будет струиться завтра... Крикнула птица-носорог, с дерева слетело несколько увядших листьев, и поток унес их прочь. Эльса была неотъемлемой частью этой природы. Ее место здесь, а не рядом с человеком. Человек — это мы, привязавшиеся к Эльсе, научившие ее любить нас. Сумеет ли она забыть все, что было для нас таким привычным вплоть до сегодняшнего утра? Будет ли охотиться сама, когда проголодается, или станет доверчиво ждать нашего возвращения? Ведь до сих пор мы еще ни разу не подводили ее. Я только что поцеловала Эльсу, чтобы подтвердить свою любовь и успокоить ее, но не был ли мой поцелуй поцелуем Иуды? Откуда ей знать, что именно любовь к ней помогла мне решиться покинуть ее, вернуть ее природе, чтобы она научилась жить самостоятельно, пока не обретет прайд — настоящий прайд.

Меня окликнул Нуру. Он принес кусок мяса. Эльса послушно пошла за ним в камыши и принялась есть. А мы потихоньку ушли.

Глава девятая

ПОСЛЕДНЕЕ ИСПЫТАНИЕ

Отъехав километров на пятнадцать, мы разбили лагерь на берегу речки, которая была поуже предыдущей, зато намного глубже. Здесь мы решили провести неделю. Под вечер я вместе с Джорджем пошла погулять вдоль берега. Мы шли медленно, наши мысли были с Эльсой. Только теперь я поняла, как сильно привязалась к ней. Почти три года жила ее чувствами и интересами. Мы настолько сдружились, что без нее я чувствовала себя невыносимо одинокой. Я так привыкла к тому, что Эльса идет рядом, трется о меня головой, прижимается теплым шелковистым боком... Но может быть, мы все-таки увидимся через неделю?

Вдруг Джордж остановился и показал рукой вперед. Мы оба пригнулись. Навстречу нам шагал малый куду. Он аккуратно общипывал молодую листву. Но вот он насторожился, поднял голову и недоверчиво посмотрел вокруг: то ли перед ним мелькнуло что-то, то ли ветка хрустнула... Мы были в надежном укрытии, ветер дул на нас, и все же — неужели учуял? Или проявился врожденный инстинкт, который заставляет это чудесное животное всегда быть начеку? Удивительное сложение, изящный узор белых полос и подпалин, великолепные рога — все делает антилопу одним из шедевров природы. Мы следили за нею как замороженные. Объедая куст за кустом, куду постепенно скрылся.

Почти сразу вслед за этим что-то зашумело у реки. Осторожно подойдя к воде, мы увидели бегемотиху с малышом, которые паслись у противоположного берега. Они остерегались солнечных лучей и, не выходя из

воды, двигались не спеша вдоль берега, объедая свисающие над рекой сочные листья.

Я любовалась мирной сценой и продолжала думать об Эльсе. Вдруг за рекой показался слон. Он вел за собой небольшое стадо. Бесшумно, словно призраки, слоны спустились к порогам. Скалы на берегу почти смыкались, только один слон мог пройти между ними. Они пили поочередно. Потрогают воду хоботом, потом уже тянут ее длинными глотками. Один напьется — уступит место следующему. И все они тщательно охраняли двух малышей, прикрывая их своими огромными тушами от возможной опасности.

Солнце клонилось к западу. Его лучи позолотили блестящие кроны пальм дум. Я снова подумала об Эльсе. В каком прекрасном мире она родилась... Как ни трудно с нею расставаться, мы обязаны сделать все, чтобы вернуть ей этот мир. Нельзя, чтобы она жила в неволе, лишенная всех тех чудес, которые приготовила для нее природа. Правда, мы еще ни разу не слышали, чтобы выращенный людьми лев вернулся к вольной жизни. И все-таки надеялись, что Эльса освоится, ведь она всегда жила почти что на свободе.

...И вот истекла тревожная неделя, мы вернулись проверить, как Эльса выдержала испытание.

Первым делом мы стали искать отпечатки ее лап на месте старого лагеря и не нашли их. Тогда я позвала львицу, и вскоре мы услышали знакомое «хнк-хнк». Вот она бежит со всех ног от реки! Горячо приветствует Джорджа и меня. Сразу видно: соскучилась не меньше нас. Мы привезли ей антилопу, но она даже не взглянула на мясо, в этот миг мы были для нее важнее. Наконец ликование кончилось. Я разглядела, что желудок ее полон. Значит, недавно поела. У меня стало легче на душе: Эльса научилась охотиться сама, в питании она больше от нас не зависит.

Пока в лагере ставили палатки, я повела Эльсу к реке, чтобы вместе отдохнуть. Настроение у меня было хорошее. Я больше не тревожилась о будущем Эльсы. Видно, и она была счастлива — положила на меня свою мягкую лапищу и задремала. Проснулась я оттого, что Эльса вдруг подняла голову. В листве на противоположном берегу мелькал рыжеватый бок лесной антилопы (бушбока). Она равнодушно смотрела на антилопу, которая, не замечая нас, медленно брела сквозь кусты. Конечно, Эльса сейчас вообще настроена миролюбиво, но главная причина ее равнодушия — сытость. Что же все-таки она ела? С деревьев на нас молча глядело несколько мартышек. Но куда же подавались наши гомонливые друзья, вездесущие бабуины? Вскоре мои подозрения подтвердились: мы нашли на берегу клочья обезьяньей шерсти, почти в том самом месте, куда бабуины приходили на водопой и где они так часто изводили Эльсу.

Теперь, когда не надо было волноваться за будущее львицы, мы решили, что можем позволить себе побыть с нею вместе еще немного и выбрать для разлуки момент, когда расставаться будет не так больно. Эльса старалась не выпускать нас из поля зрения, но инстинкт брал свое, и во время прогулок она нередко уходила на часок-другой поохотиться. Нас это обнадеживало.

Две-три недели оставалось до дождей, обожженная земля изнывала без живительной влаги. Небо то и дело озаряли степные пожары. Нам очень докучали мухи цеце. И Эльсе не было от них житья, особенно они допекали ее ранним утром и перед самым закатом. Она, как бешеная, носилась по кустам или каталась по земле, ероша свою обычно такую гладкую шерсть.

Чтобы приучить Эльсу к независимости, мы на весь день уходили с нею из лагеря. Гуляли часа два-три, потом находили себе тенистое местечко на берегу. После завтрака я принималась рисовать. Эльса вскоре

засыпала, и часто я клала на нее голову, как на подушку, чтобы отдохнуть или почитать.

Джордж обычно извлекал нам завтрак из реки. Первая рыба принадлежала Эльсе, но она, поносив немного добычу в зубах, с гримасой отвращения бросала ее и больше уже не интересовалась уловом. Нуру и наш оруженосец были отличные повара, они великолепно жарили свежую рыбу.

Один раз мы застигли врасплох крокодила, который грелся на камне. От испуга он метнулся к плесу между двумя порогами. Вода там была прозрачная, мы хорошо видели мелкое дно, но крокодил словно сквозь землю провалился. Куда он мог деться?.. Мы сели перекусить, Эльса в это время отдыхала. Но вот Джордж решил заняться рыбной ловлей. Чтобы удостовериться, что крокодил ушел, он потыкал в дно палкой. Вдруг палка выскочила у него из рук, и почти двухметровое чудовище, притаившееся в песке, скользнуло через порог. Конец толстой палки был откушен. Эльса ничего не видела, а мы вовсе не собирались привлекать ее внимание к крокодилам и поспешили перебраться в другое место.

Вскоре к речке на водопой спустился бородавочник. Эльса по всем правилам подкралась к нему, схватила за горло и задушила. Правда, ей помогла пуля из винтовки Джорджа. Решив, что Эльсе удобнее сторожить добычу в тени у воды, я несколько раз показала ей рукой на бородавочника и на реку, приговаривая:

— Маджи, Эльса, маджи!

«Маджи» на языке суахили означает «вода». Я всегда произносила это слово, когда просила Нуру наполнить водой миску Эльсы. Видимо, она меня поняла, потому что поволокла тушу в реку и почти два часа играла там с нею. Она ныряла, полоскалась, пока не выбилась из сил. Тогда она вышла на другой берег, спрятала добычу в кустах и стала охранять ее. Но вот

пришла пора возвращаться в лагерь. Эльса не захотела оставаться одна и тотчас переправилась с бородавочником к нам. Мы разделали тушу, поделили ношу между Нуру и оруженосцем и пошли. Эльса смиренно трусила следом.

Теперь всегда после удачной охоты у реки Эльса непременно тащила свою добычу в воду и затевала игру. Не знаю, чем это объяснить. Возможно, она решила, что моя команда «Маджи, Эльса!» входила в свод правил, которым я ее обучала.

С каждой прогулкой наши отношения с Эльсой становились все непринужденнее. Даже Нуру и оруженосец спокойно продолжали лежать, если она подходила потереться головой или потехи ради усаживалась на них. Оба охотно ездили вместе с нею в кузове лендровера. Полуторастокилограммовый зверь устраивался между их тощими икрами, они смеялись и гладили ее, а Эльса своим шершавым языком лизала им колени.

Как-то раз, когда мы вместе с Эльсой отдыхали после обеда на берегу, Джордж заметил в кустах за рекой чужих людей. Это были браконьеры, вооруженные луками и отравленными стрелами. Они устроили засаду у водопоя, подстерегая дичь.

Джордж тотчас поднял тревогу и вместе с Нуру и оруженосцем бросился через реку. Эльса рада была принять участие в потехе и ринулась следом. Нарушители улизнули, и мне бы очень хотелось послушать, что они рассказывали дома про инспектора, который науськивает на браконьеров льва!

Однажды во время утренней прогулки Эльса решительно повела нас к тому месту, откуда накануне ночью доносились трубные голоса слонов. Вдруг она остановилась, принюхалась и побежала рысцой, вытянув вперед голову. Мы отстали, а немного погодя услышали вдали голос льва.

В тот день Эльса больше не возвращалась, но поздно вечером мы распознали ее голос, который перемежался с ворчанием другого льва. А ночью так разошлись гиены, что просто не давали нам спать своим идиотским хохотом. На рассвете мы по Эльсиному следу определили, где к ней присоединился лев. На следующий день по следам можно было увидеть, что она ходила одна. На четвертый день мы обнаружили отпечатки ее лап за рекой и искали львицу до вечера, пока не набрели прямо на стадо слонов. Пришлось нам сломя голову удирать. Эльса показалась только на утро пятого дня. Она сильно изголодалась и с такой жадностью стала поглощать мясо, что едва не лопнула. После еды она устроилась на моей раскладушке, всем своим видом давая понять, чтобы ее не беспокоили. Несколько позже я разглядела у нее на боках следы укусов и царапины. Я оказала ей первую помощь, в благодарность Эльса пососала мои большие пальцы и обняла меня. Вечером она не пошла гулять и до темноты просидела на крыше лендровера. А потом внезапно исчезла. Часа через два мы услышали вдали зов льва. Эльса тотчас откликнулась и пошла ему навстречу.

Самый удобный случай покинуть ее на несколько дней! Утром мы перенесли свой лагерь. Может быть, ее дикий приятель не одобряет нашего присутствия и при нас не захочет с нею знаться? Она уже доказала, что отлично обходится и без нас, поэтому мне было не так больно покидать ее, как в первый раз. Вот только укусы меня тревожили. Как бы они не загноились.

Через неделю мы вернулись на место прежней стоянки и застали там Эльсу. Она подкрадывалась к двум водяным козлам. Видно, сильно проголодалась, если вышла на охоту в такую жаркую пору. Радость, с которой Эльса нас встретила, тронула меня до глубины души, а ей очень пришлось по вкусу привезенное нами

мясо. На сгибе передней ноги у нее появилась новая рана, да и старые выглядели довольно скверно. Три дня она отъедалась за целую неделю, проведенную впроголодь.

Весть о нашей ручной львице уже широко распространилась, и к нам для съемок приехал отряд американских охотников. Эльса веселила их на славу, всячески стараясь им угодить. Она лазила на дерево, играла в реке, обнимала меня, садилась пить с нами чай и вела себя очень послушно. Гостям просто не верилось, что эта взрослая львица еще совсем недавно так же запросто общалась с дикими львами.

А ночью снова раздался зов льва, и Эльса ушла на два дня. За это время она только раз на минутку заглянула в палатку Джорджа. Львица была настроена очень ласково, даже уселась на спящего Джорджа, чуть не сломав его кровать. Потом наскоро перекусила и опять исчезла. На следующее утро мы пришли по ее следу к скалистой гряде неподалеку от лагеря. Поднявшись на вершину, мы обыскали все ее любимые уголки и чуть не наступили на Эльсу. Она лежала, притаившись под кустом. Пряталась от нас... И хотя мы явились некстати, она приветствовала нас, как всегда, с явной радостью. Чтобы ее не смущать, мы скромно удалились.

Поздно вечером до лагеря донеслось рычание льва, которому вторил вой сопровождающих «патрона» гиен. А затем где-то совсем близко подала голос Эльса. Видимо, она уяснила себе, что когда ее господин и повелитель насыщается, лучше к нему не приставать.

Потом она вдруг вошла в палатку Джорджа, обняла его лапой и ласково помяукала, точно хотела сказать: «Ты ведь знаешь, я тебя люблю, но меня ждет мой друг, я должна пойти к нему. Пойми меня и не обижайся!»

Наутро мы увидели возле самого лагеря отпечатки лап здорового льва. Похоже, он и впрямь ждал, пока

Эльса объяснялась с Джорджем!

На этот раз она гуляла три дня, но каждый вечер заходила к нам на несколько минут, желая показать, что помнит о нас. Мясо, которое мы ей предлагали, она не ела, зато всячески старалась приласкаться, словно хотела вознаградить нас за долгое отсутствие.

Начались дожди. Как обычно, Эльса сразу стала активнее и еще охотнее играла с нами, устраивая нам засаду за каждым кустом. Поскольку в нашем «прайде» я была ее любимицей, мне особенно доставалось. Чуть зазеваюсь — и уже лежу на земле, придавленная мягкой, но достаточно увесистой тушей Эльсы. И никуда не денешься, пока не придет на выручку Джордж. Разумеется, Эльса делала это из любви, а все же надо было отучить ее от этой привычки, ведь без посторонней помощи я никогда не могла ее согнать. По моему тону Эльса скоро поняла, что такая игра мне не по вкусу. Трогательно было смотреть, как она старается обуздать себя. Случалось, Эльса спохватится уже в прыжке и, умерив свой пыл, мягко опустится на землю.

После первых дождей угрюмый колючий буш в несколько дней превратился в райский сад. Казалось, на месте каждой песчинки прорастает зернышко, тропы покрылись сочной зеленью, кусты стали огромными букетами белых, розовых, желтых цветов. Но как ни красив был буш, забот нам только прибавилось: дальше двух-трех метров теперь ничего нельзя было рассмотреть. Всюду лужи, всюду обилие всяких следов. Эльса внимательно изучала «новости буша» и часто уходила на охоту. Выследит водяного козла и гонит на нас. Или по всем правилам, срезая петляющий след, крадется за лесной антилопой. Но желудок ее был полон, делала она это скорее забавы ради.

Как-то утром мы вышли из лагеря, собираясь гулять целый день. Эльса пошла с нами. Судя по тому, как она дергала хвостом, настроение у нее было превосходное.

Когда подошла пора завтракать, мы стали присматривать подходящее место. Вдруг Эльса, насторожив уши, застыла на месте. Миг, и она исчезла — беззвучно сбежала вниз по скалам и нырнула в густые заросли. Река в этом месте делилась на множество рукавов, между ними — маленькие островки, покрытые непролазной чащей, буреломом. Кого поднимет львица? Мы услышали трубный голос слона, такой громкий, что даже воздух задрожал. Да там, пожалуй, прячется не один слон! Но Джордж сказал, что это буйвол. Я и сама много раз слышала, как по-разному мычит буйвол. Но чтобы он трубил как слон!.. Мы подождали минут пять, надеясь, что Эльсе, как обычно, надоест играть. Вдруг раздался какой-то странный, рокочущий звук. Джордж тотчас побежал вниз, крича, что с Эльсой что-то случилось. Я кинулась за ним вдогонку. Дикое мычание впереди остановило меня. Но тут же я стала снова пробиваться сквозь кустарник, каждый миг ожидая, что покажется разъяренный слон, сокрушающий все на своем пути. Мы крикнули Джорджу, чтобы он не рисковал. Куда там, он уже пропал за зеленой стеной лиан и деревьев. Опять послышался дикий рев, потом голос Джорджа:

— Сюда! Скорей! Скорей!

У меня сжалось сердце: беда! Спотыкаясь о корни, я представляла себе всевозможные ужасы... Но, слава Богу, среди ветвей мелькнула смуглая спина Джорджа. Он на ногах, значит, все в порядке.

Джордж снова крикнул, чтобы мы поторопились. Когда я наконец прорвалась к берегу, то увидела в реке Эльсу, оседлавшую буйвола. Я не верила своим глазам: наполовину окунув голову буйвола в воду, она когтями и зубами рвала его толстую шкуру. Мы могли только гадать, что произошло здесь за десять минут с тех пор, как я слышала рев. Видимо, Эльса спугнула отдохавшего на берегу старого быка и загнала его в

воду. Он, должно быть, бросился к другому берегу, но поскользнулся на гладких камнях, и Эльса не преминула воспользоваться случаем — прыгнула на него и пригнула ему голову. Она измотала быка, вцепившись в самое уязвимое его место. И тут подоспели мы.

Джордж добил несчастное животное, и Нуру тотчас же вошел в бурлящий поток. Столько мяса, разве можно устоять! Но он был мусульманином, его закон предписывал перерезать глотку живому буйволу, иначе мясо есть нельзя. По пояс воде, он по скользким камням спешил к буйволу. А Эльса, сидя на своей жертве, ревниво следила за всеми движениями Нуру. Она знала его всю жизнь, все ему позволяла, но сейчас была настороже. Прижав уши, сердито ворча, она приготовилась оборонять добычу от своей «няньки». Вид у нее был грозный. А Нуру видел только мясо и не слышал недовольного голоса Эльсы. Забавно было видеть эту тощую фигуру, которая бесстрашно пробивалась через стремнину к злобно рычащей львице, сидевшей на издыхающем буйволе. Нуру погрозил Эльсе пальцем:

— Нельзя, нельзя!

И, к нашему удивлению, она послушалась и смиренно сидела на добыче, пока Нуру перерезал буйволу глотку.

Теперь надо было вытащить тушу из воды. Волочить через стремнину по скользким камням полтонны мяса, охраняемого возбужденной львицей, — дело непростое. Но Эльса опять показала себя умницей. Схватив буйвола за хвост, она помогла троим мужчинам, которые тянули его за голову и ноги. Под дружный смех они в конце концов выволокли тушу на берег, затем приступили к разделке. Львица и тут помогала. Она одну за другой таскала в тень под кусты огромные тяжелые ноги быка, избавив нас от этой работы. Местность позволяла

подогнать лендровер на километр с небольшим от реки, и мы смогли доставить в лагерь почти все мясо.

Эльса устала. Она простояла по шею в воде не меньше двух часов и, сражаясь с исполином, как следует наглоталась воды. И все-таки Эльса не отходила от добычи, пока не убедилась, что разделка закончена и мясо надежно спрятано. Лишь после это она легла под куст отдохнуть.

Я подошла к ней, села рядом. Она облизала мою руку, обняла меня лапой и прижала к своей мокрой шкуре. Меня очень трогала ее любовь, ее осторожность, старание не задеть человека когтями, которые только что были грозным оружием в борьбе с толстокожим буйволом.

Одолеть буйвола в одиночку даже для дикого льва — подвиг. Тем более для Эльсы, которая научилась охотиться совсем недавно, да и кто ее учил! Конечно, ей помогла река, но потребовалась и немалая смекалка. Я очень гордилась Эльсой.

Вечером, возвращаясь в лагерь, мы заметили на другом берегу жирафа, пришедшего на водопой. Эльса тотчас же позабыла об усталости и начала подкрадываться к нему. Она незаметно пересекла реку, без малейшего всплеска скользнула из воды в кустарник. Жираф ничего не подозревал. Широко расставив передние ноги, он опустил к воде длинную шею. Мы затаили дыхание: сейчас Эльса бросится на него из чащи... К нашей радости, жираф то ли услышал, то ли почуял ее, во всяком случае, в последний миг он круто повернулся и умчался прочь. Его счастье, что Эльса уже успела наесться буйволятины.

Но приключения на этом не кончились. Как говорится, чем дальше в лес, тем больше дров: навстречу нам по звериной тропе шел слон. Мы поспешно отступили, чтобы пойти в обход, но Эльса преспокойно уселась на тропе и стала ждать.

Подпустив великана вплотную, она легко отпрыгнула в сторону. Слон повернулся кругом и обратился в бегство. После этого Эльса послушно дошла с нами до лагеря, вытянулась на кровати Джорджа и мгновенно уснула. Ничего не скажешь, бурный день!

В другой раз, гуляя вдоль тенистого берега, мы заметили на дне мелкой илистой заводи чашевидные углубления около метра в поперечнике. Джордж объяснил, что здесь нерестилась тилапия — рыба, которой мы до сих пор в этой реке не видели. Пока мы рассматривали нерестилище, Эльса вдруг начала обнюхивать куст. Вот она сморщила нос, словно учуяла льва... Только теперь мы заметили свежие отпечатки львиных лап. Эльса, мурлыкая, пошла по следу и пропала на сутки. Под вечер следующего дня, выйдя на поиски, мы разглядели ее в бинокль: она лежала на любимой скале. Видимо, львица тоже заметила нас. Она подала голос, но продолжала лежать, очевидно поблизости были дикие львы. Мы ушли домой, чтобы не мешать, но только легли спать, как услышали предсмертный крик животного. Вскоре в палатку вошла Эльса, легла возле кровати и погладила Джорджа лапой, точно хотела рассказать что-то. Потом она вышла и опять исчезла на целые сутки.

Вечером мы сидели за столом в палатке и обедали. Снова неожиданно появилась Эльса, потерлась о меня головой и ушла. Всю ночь ее не было. Утром мы пошли по ее следу, он уходил куда-то очень далеко. В этот вечер Эльса возвратилась. Она гуляла уже четвертые сутки, если не считать коротких визитов, когда львица приходила в лагерь приласкаться. Может быть, она хотела рассказать нам, что нашла себе прайд и, хоть по-прежнему любит нас, собирается мало-помалу отвыкнуть?

Ночью нас разбудило грозное рычание львов, хохот гиен. Мы надеялись, что покажется Эльса. Но вот уже

начинает светать, а ее все нет. Как только совсем рассвело, мы отправились в ту сторону, откуда ночью доносился шум, но через несколько сот метров остановились. У реки ворчал лев. А сквозь буш спасались бегством мартышки и антилопа. Мы осторожно прокрались к реке и увидели на песке свежие следы по меньшей мере двух или трех львов. Они терялись у воды. Мы перешли вброд и на другом берегу нашли еще один влажный след. Вдруг в пятидесяти метрах от нас я разглядела львиный бок. Кажется, Эльса... Джордж окликнул ее, но львица пошла прочь. Джордж позвал еще раз, Эльса прибавила ходу и ушла по звериной тропе. Только черный кончик ее хвоста мелькнул в кустах...

Мы смотрели друг на друга. Нашла ли Эльса свою судьбу?..

Она не могла не слышать нас, однако пошла за львами. Значит, сделала выбор. Неужели наши усилия вернуть ее к естественной жизни увенчались успехом? И мы сумели отлучить от себя Эльсу, не обидев ее?

Мы пошли обратно в лагерь. На душе было грустно. Уехать, подвести черту под важной главой нашей жизни?.. Джордж предложил остаться еще на несколько дней, чтобы окончательно убедиться, принята ли Эльса в прайд.

Я спустилась в свой «кабинет» на берегу, чтобы продолжить жизнеописание львицы, которая еще утром была с нами. Печально сидеть в одиночестве, но я пыталась утешить себя мыслью, что, может быть, в этот миг Эльса трется шелковистым боком о бок льва и вместе с ним отдыхает в тени, так же, как она не раз отдыхала здесь со мной.

Глава десятая

ПОСТСКРИПТУМЫ

После трех с лишним лет такой тесной дружбы мы, конечно, не смогли бы совсем не встречаться с Эльсой, пока она сама хотела видеться с нами. Джорджу по службе постоянно приходится разъезжать, поэтому мы можем навещать место, где оставили львицу, не чаще, чем раз в три недели. Прибыв туда, мы даем один-два сигнальных выстрела или выпускаем ракету. Как правило, Эльса появляется через несколько часов. Она радостно приветствует нас и бывает необычайно нежна. Один раз мы прождали ее пятнадцать часов, другой — все тридцать. Видимо, она была очень далеко и все-таки каким-то таинственным образом почувствовала, что мы приехали. Мы остаемся дня на три, и все это время она не покидает нас, показывая, как радуется ее наше присутствие.

Когда приходит пора уезжать, Джордж километрах в пятнадцати от лагеря убивает антилопу или бородавочника — прощальный подарок Эльсе. В то время как свертывают лагерь и грузят машины, я сижу с львицей в «кабинете» под большим деревом, стараясь отвлечь ее. Мясо Эльса ест с удовольствием, хотя она и без того достаточно упитанная и здоровая. Теперь она освоила искусство убивать и не зависит от нас. Пока Эльса ест, машины отъезжают на километр-два. После еды львица дремлет, и мы потихоньку уходим от нее.

Чувствуя близость расставания, Эльса становится сдержаннее, не так льнет к нам. Ей очень хочется быть с нами, но она понимает, что мы должны уехать, и своим деликатным поведением облегчает нам

расставание. Так повторяется всякий раз, и вряд ли это случайность.

Этими словами я закончила рукопись, прежде чем выехать в Англию, чтобы договориться об издании книги про Эльсу. За те месяцы, что я провела в Англии, Джордж писал мне о встречах с Эльсой, и его письма продолжают повесть о ней. Из них видно, что дикая жизнь не мешает Эльсе сохранять дружбу с нами, причем дружба эта основана на полном равноправии и не похожа на отношения между собакой и ее хозяином.

Исиоло, 5 марта 1959 года

По дороге у меня поломался грузовик, потом прицеп, и я приехал на место встречи вечером 25 февраля. Эльса прибежала из-за реки через четверть часа после моего прибытия, очевидно, услышала звук мотора. Выглядела она здоровой, но отощала и изголодалась. Прежде чем приниматься за мясо, она, как обычно, устроила мне теплую встречу. Правда, Эльса была далеко не такой исхудалой, как после нашего первого опыта. За два, за три дня она совсем отъелась и теперь выглядит отлично. Ее очень озадачило твое отсутствие. Она то и дело заходила в твою бому, заглядывала в грузовик и звала тебя. Но постепенно втянулась в обычный распорядок дня, только наотрез отказывалась покидать лагерь и ходить на прогулки. По утрам она спускалась со мной в «кабинет» и оставалась там целый день. Получив в воскресенье утром от меня вторую козу, Эльса сердито охраняла добычу, никого не подпускала к ней. Но как только я пошел в «кабинет», она приволокла тушу туда, положила возле скамейки и позволила мне разделать мясо. Когда же я возвратился в лагерь, Эльса принесла козу к палатке. На следующий вечер я сказал ей:

«Пошли домой, Эльса!» Она подождала, пока я соберу остатки мяса, и важно зашагала впереди меня к палатке. Белые пятна у нее на спине исчезли. Ее приятель варан все еще живет здесь и не упускает случая что-нибудь стащить. Кажется, она уже привыкла к варану и позволяет ему урвать кусочек мяса. Пока никаких признаков, что она встречалась с львами.

Я покинул ее во вторник, нарочно задержав в «кабинете», пока шли сборы. Но как только заработал мотор, она поняла, что я уезжаю, замкнулась и даже не хотела глядеть на меня. Собираюсь снова навестить ее 14-го.

Исиоло, 19 марта 1959 года

Я проведаль Эльсу 14 марта. Выехал в четверть одиннадцатого, добрался в половине седьмого. Никаких следов Эльсы. Ночью я выпустил несколько сигнальных ракет, а на рассвете отправился искать ее и дошел до большой лужи возле дороги, где она подкрадывалась к слону. Лужа высохла, следов Эльсы нигде не было. Я снова выпустил ракету, прошел по гряде до автомобильной колеи и направился в лагерь вдоль лаги. [16] И здесь ничего. Вернулся к палатке примерно в четверть десятого. А через пятнадцать минут из-за реки неожиданно появилась Эльса. Выглядела она неплохо. За одиннадцать дней, которые прошли после нашей предыдущей встречи, она по крайней мере один раз удачно поохотилась. Я обнаружил несколько царапин, полученных, должно быть, во время схватки со своей жертвой, но царапины легкие, поверхностные. Эльса сразу вспомнила старые привычки, стала озорничать, дважды сбила меня с ног, причем один раз повалила прямо на колючий куст! Потом милостиво согласилась

прогуляться вдоль реки, но вообще-то предпочитала сидеть со мной в «кабинете».

По-прежнему незаметно, чтобы она встречалась с дикими львами. Я не слышал никакого рычания. Сейчас очень сухо, это, должно быть, облегчает Эльсе охоту: все кругом видно, и все животные ходят к реке на водопой. Я захватил только маленькую палатку, ночью нам с Эльсой было довольно тесно, но львица вела себя образцово, ни разу не намочила на пол! Как обычно, за ночь она несколько раз будила меня — то носом потрется, то усядется верхом. Расстались мы в среду, причем без всяких затруднений. Мне кажется, Эльса становится все более независимой и охотно остается одна. Не понимаю людей, которые утверждают, будто жизнь и поступки животных всецело управляются инстинктом и условными рефлексамми. Только разум мог создать ту хитроумную стратегию, которую применяют львы во время охоты на животных. А все известные нам примеры осмысленного, продуманного поведения Эльсы?..

Исиоло, 4 апреля 1959 года

Я приехал на место нашего лагеря около восьми часов вечера. Выпустил, как обычно, сигнальные ракеты. Эльса не появилась, не пришла она и ночью. Рано утром я отправился по тропе, на которой мы подстрелили цесарку, и нашел там следы недавней стоянки. Надеюсь разыскать Эльсу за рекой, я сделал широкий полукруг, но и там не увидел ее следов. Возвратился я встревоженный. Уж не убили ли ее?

До этого условился встретиться с Кеном Смитом, которому очень хотелось снова увидеть Эльсу. Теперь я застал его в лагере, и он рассказал мне, что видел Эльсу на скалах. Он позвал ее, но она держалась

настороженно и не спустилась. Мы пошли туда вместе, и, как только Эльса услышала мой голос, она сбежала вниз и бурно приветствовала меня, да и Кена тоже. Выглядела она великолепно, желудок ее был полон. Видимо, охотилась ночью. Кен занял твою бому, и Эльса его не тронула. На следующий день мы гуляли все вместе, потом отправились в «кабинет». Эльса спала на моей кровати, Кен — на твоей. Один раз она уселась на него, чтобы показать ему свое расположение.

В среду Кен уехал, а в четверг я пошел под вечер с Эльсой на гряды. Только я хотел возвращаться, как слышу: внизу заворчал леопард. Эльса попробовала подкрасться к нему, но он, должно быть, услышал и мигом исчез. В пятницу утром мы расстались. Эльса получила от меня напоследок жирного бородавочника, которого поволокла в реку, где затеяла с ним бурную игру. Она сейчас совершенно здорова и хорошо упитанна.

Исиоло, 14 апреля 1959 года

Хотел поехать к Эльсе вчера, однако вместо этого пришлось гонять забравшихся в огороды слонов. Но завтра поеду непременно. У меня не хватает слов, чтобы описать, как я радуюсь встречам с Эльсой, как мне приятна ее неизменная радость при виде меня. Если бы только она нашла себе супруга, у меня было бы совсем спокойно на душе. Ей, должно быть, очень одиноко. Она, наверное, тоскует порой, но это как будто не отражается на ее добром нраве и дружелюбном поведении. Эльса всегда чувствует, когда я собираюсь уезжать, но примиряется с этим и не пытается ни удерживать меня, ни следовать за мной. Понимает, что это неизбежно, и держится с большим достоинством.

Исиоло, 27 апреля 1959 года

Я отправился к Эльсе днем 15-го. Добрался около восьми вечера, на повороте чуть не столкнулся с двумя носорогами. Проскочил мимо них всего в двух-трех метрах. Как всегда, выпустил ракеты, но Эльса ночью не пришла. Утром я пошел на грядку. И там никаких следов. Ни днем, ни вечером она не появилась. Ночью бушевала гроза, все небо полыхало, и река сразу разлилась. С утра отправился на «буйволову грядку», оттуда спустился в песчаную лаггу, по ней тоже во время дождя пронесся поток. Но оттуда пришлось скоро уходить: очень глубокий песок. В одном месте я провалился по пояс и еле выкарабкался, дальше по звериной тропе дошел примерно до того места, где лагга соединяется с речкой. Так далеко мы еще никогда не забирались. Перекусив на берегу, я перешел через речку. Вода была мутно-красная от ила, глубина по пояс. Разумеется, дождь смыл все следы, но все-таки я прошел вдоль реки до самого лагеря.

В одном месте мне почудилось мертвое животное. Я подошел ближе, хотел бросить камень, но вдруг из реки высунулась голова. Это был бегемот. А вскоре я услышал в кустах у тропы визг, хрюканье, сопенье. Это бегемот ухаживал за бегемотихой. Возвратился я в лагерь около пяти. Эльсы все нет! Я встревожился, так долго мне еще не приходилось ее ожидать. Через сорок восемь часов после моего приезда, около половины девятого вечера, я услышал за рекой ее голос. Она примчалась в лагерь, пышущая здоровьем, и, радостно бросилась ко мне. Все еще не заметно, чтобы она встречалась с львами. Эльса была голодна. Она съела почти целиком заднюю часть газели Гранта, которую я подстрелил по пути, и даже не посмотрела на то, что мясо уже пахнет. Утром я убил для нее

бородавочника, Эльса была в восторге. Она так наелась, что никуда не хотела уходить из лагеря.

В воскресенье утром мы спустились в «кабинет». Эльса улеглась там спать. Вдруг я заметил крокодила метров двух или трех длиной, который выбирался из реки на камни на противоположной стороне. Я тихонько спустился к воде, снял его кинокамерой, потом так же тихо сходил в лагерь за винтовкой и пустил ему пулю в шею. Крокодил не успел даже двинуться с места. Македде переправился через реку, накинул ему аркан на голову, и мы потащили добычу на нашу сторону. Эльса внимательно следила за нами, но крокодила разглядела лишь около самого берега. Она осторожно подошла к нему, как подходила в первый раз к буйволу, вытянула лапу и потрогала нос. Убедившись, что крокодил мертв, Эльса вцепилась в него зубами и стала тащить из воды, всем своим видом показывая отвращение. Крокодилье мясо ее ничуть не привлекало, она предпочитала бородавочника, хотя он был уже далеко не свежим.

Я покинул ее в понедельник утром. Потом встретил на водопое крупного буйвола, а на следующий день отправился на охоту за большим львом, который ушел в тот раз, когда мы застрелили мать Эльсы. Он за последнее время натворил много бед, утащил двенадцать коз. Четыре ночи подряд я дежурил у приманки, а днем искал следы на холмах. Но мне попались только следы львицы с двумя львятами трех-четырёх месяцев. Видимо, родичи Эльсы! Я не очень огорчился, что не нашел старика. Вряд ли было бы прилично поймать его и отвезти к Эльсе.

Исиоло, 12 мая 1959 года

Я выехал в воскресенье 3 мая. Перед тем всю неделю шел дождь, поэтому я взял только лендровер, захватив с собой Асмана и Македде. Машина застряла в том самом месте, где мы тогда буксовали. Провозившись час в грязи, мы наконец тронулись и в следующей же лагге засели окончательно. Промучались дотемна и все-таки не выбрались. Пришлось заночевать. Ночью прошел ливень, все затопило, и наутро мы поднимали домкратом каждое колесо по очереди. Продвинулись на несколько десятков сантиметров и опять завязли в грязи. Лишь к двум часам дня мы сумели одолеть эту лаггу. А следующая оказалась совсем затопленной. Ночью неподалеку от нас рычала большая львиная семья. Видимо, львы что-то добыли. Дождь прекратился, мы переправились и доехали до следующей реки. Кое-как нам удалось перебраться и через нее. Теперь уровень воды заметно понизился, а накануне ночью мы тут застряли бы.

Перед самым поворотом к лагерю мы увидели прямо на дороге двух носорогов. Самка и почти взрослый детеныш. Они даже и не думали уступать нам дорогу. Я взял винтовку и вышел из машины. Самка наклонила голову и пошла в атаку. Когда между нами оставалось с десяток метров, я закричал, думая, что это ее образумит. Но она только прибавила ходу, пришлось стрелять. В пяти метрах от машины она свернула в заросли и исчезла. Я прошел по ее следам несколько сот метров, но пятен крови не обнаружил.

Отправился дальше и в половине первого разбил лагерь. Никаких признаков Эльсы. Река разлилась, такой я ее еще никогда не видел. Дождь, разумеется, смыл все следы. Вечером выпустили ракеты. К утру Эльса не появилась. Я еще раз прошел по следам носорога, но крови нигде не было. Может быть, пуля попала в рог? По пути я застрелил жирафовую антилопу, потому что газель Гранта, которую я привез с

собой, уже начала «благоухать». Ни в тот день, ни на следующий Эльса не приходила. Скорее всего, она просто ушла с дикими львами. Но я все же не мог не тревожиться и послал Македде и Асмана в ближайšie деревни — расспросить жителей, но там львов никто не видел и не слышал. В субботу утром с тяжелой душой я принялся укладывать вещи. Мы пробыли тут уже целую неделю.

Вдруг за рекой подняли гвалт бабуины, и тут же появилась Эльса, мокрая, но на вид здоровая. Живот у нее был тощий, однако голод ее не мучил, она презрительно отвернулась от антилопы. Правда, мясо пахивало. Эльса была все такая же ласковая и очень мне обрадовалась. По виду нельзя сказать, встречалась ли она с львами. Течки у нее мы не видели со времени твоего отъезда, но ведь я не знаю, что происходило в мое отсутствие. Когда она прилегла отдохнуть, я пошел и подстрелил для нее еще одну антилопу. Ночью Эльса втащила добычу в мою палатку. Сама понимаешь, в палатке тесновато, но мясо было свежее и без запаха, так что я смирился, хотя она и меня, и палатку вымазала кровью.

Эльса живет самостоятельно уже полгода. Справляется она с этим не хуже любого дикого льва и явно совершает дальние переходы, а ко мне по-прежнему относится приветливо, с любовью. В этом она нисколько не изменилась с тех пор, как ты уехала. Эльса — дикий зверь во всех отношениях, кроме одного — расположения к человеку. Я уверен, что мы для нее своего рода львы, которых не нужно опасаться, с которыми можно обходиться, как с друзьями. Теперь уже Эльса не поджидает меня с нетерпением. Видеть меня она всегда рада и явно не любит со мной расставаться, но, если я уеду навсегда, вряд ли это будет для нее большой трагедией.

Исиоло, 20 мая 1959 года

Что же нового рассказать тебе об Эльсе? В моих письмах упомянуты все мелочи. Сама знаешь, когда львица сыта, она далеко от лагеря не уходит, а целыми днями лежит под деревом в «кабинете». Если ничего особенного не происходит, мы проводим дни в точности так, как при тебе. Разумеется, Эльса совсем самостоятельна, совершает дальние переходы и в питании от меня не зависит. К чужим, правда, она относится недоверчиво. Даже Нуру и Македде не очень-то к себе подпускает, когда ест мясо. А если, скажем, надо утром перенести мясо из палатки в «кабинет» или вечером обратно, приходится это делать мне. Эльса тогда шагает следом. Ей непременно надо затащить добычу в мою маленькую палатку, и приходится терпеть. В крайнем случае, если уж очень скверно пахнет, я выношу свою кровать на волю. Эльса чувствует, что моя палатка — самое надежное место. Уверен, если у нее будут детеныши, она приведет их ко мне на попечение. В таком случае придется, видимо, отослать всех из лагеря. Кроме нас с тобой, она никого не потерпит.

Очень хочется опять увидеть Эльсу. В последний раз, когда я уезжал, у нее был такой грустный вид. Я попытался удрать незаметно, но, когда оглянулся, она стояла у солонца и глядела мне вслед, хотя за мной и не пошла. Я чувствовал себя преступником.

Исиоло, 3 июля 1959 года

Выехал из Исиоло в субботу вечером. Со мной американский врач Дэлэни и охотник Генри Пулмен. Мы собирались выследить львов, которые, как нам

передали, убили одного борана и ранили другого. Дэлэни очень рьяный охотник, он непременно хотел сам застрелить хищников. Когда мы прибыли на место, началась сильнейшая пыльная буря. Утром мы с местными жителями прошли туда, где погиб боран, буш здесь очень густой. Нам рассказали, что восемь человек шли по следу семи львов, убивших верблюда. Они их настигли. Один самец был настроен воинственно. Кто-то метнул копье и оцарапал ему бок. Разъяренный лев укрылся в засаде, и, когда отряд пошел дальше по следу, он бросился на одного борана и прокусил ему руку. Товарищи унесли раненого домой. Потом они вернулись и отыскивали льва в густых зарослях. Один из них неразумно вошел в чащу. Не успели они оглянуться, как лев прыгнул на него, разорвал ему грудь и вернулся в свое укрытие; раненого вытащили, но он сразу умер.

Мы отыскивали свежие следы и прошли по ним в буш. Однако ветер дул нам в спину, и я решил, что лучше разложить приманку и устроить засаду. Оставив на месте Дэлэни и Пулмена, я поехал проведать Эльсу. Добрался я туда около восьми вечера. Эльса явилась через пятнадцать минут и приветствовала меня, как всегда. Выглядела она хорошо, но была очень голодна. За ночь Эльса съела половину газели Гранта, которую я ей привез, а рано утром оттащила остатки в чащу возле лагеря и провела там весь день. Она только два-три наведлась в «кабинет», чтобы проверить, тут ли я. Во вторник она управилась с мясом и согласилась пойти со мной на прогулку вдоль реки. Вдруг что-то на другом берегу привлекло ее внимание. Она осторожно пробралась вдоль берега вверх по течению и переправилась через речку. Я спрятался и стал ждать. Ничего не видно и не слышно... Потом раздался шум, из кустов выскочил водяной козел и помчался через реку прямо на меня. За ним бежала Эльса. Увидев меня, козел хотел повернуть, но тут на него прыгнула Эльса и

сбила с ног. Прямо в воде развернулась отчаянная схватка. Эльса вцепилась козлу в горло. Когда он ослаб, она захватила пастью его морду, чтобы задушить. Наконец я не выдержал и добил беднягу. Козел весил, наверное, двести килограммов. Поднатужившись, Эльса стала вытаскивать его на откос, однако на полпути сдалась. Я хотел ей помочь, но не мог даже сдвинуть тушу с места. Пришлось отправиться в лагерь, чтобы позвать Нуру и Македде и взять веревки. Когда мы вернулись к реке, козел уже был наверху! Ну и силища у этой Эльсы! Представляешь, что она могла бы при желании сделать с человеком? И это еще раз показывает, как терпелива и добра она с нами.

Расстались мы с нею 2-го, и не без труда. Она знала, что я уезжаю, и все время внимательно следила за мной, не спускала с меня глаз. Часа через два она уснула, и я смог наконец уйти.

Приготовься к бурной встрече! Пожалуй, тебе лучше не показываться, пока она не поздоровается со мной и не успокоится немного.

* * *

Я вернулась в Кению 5 июля. Еще до того, как приземлился самолет и прежде чем увидеть Джорджа, я заметила наш лендровер. Он выглядел таким потрепанным среди роскошных лимузинов. Но если прежде я не раз стыдилась нашей колымаги, то теперь вид царапин и вмятин, оставленных Эльсой, только растрогал меня. Мне хотелось сразу же поехать в лагерь, но Джордж уговорил купить сначала новый лендровер, ведь наш старик совсем разваливается. Мы простились с престарелым верным товарищем, с которым так тесно были связаны все наши воспоминания об Эльсе, и приобрели машину новейшей

марки. Она была намного удобнее и приличнее прежней. Но как отнесется к ней Эльса?

По случаю моего приезда Джордж взял небольшой отпуск, и вскоре мы были в пути. В лагерь мы прибыли 12 июля, уже в сумерки. Через двадцать минут, когда мы ставили палатки у реки, послышался знакомый гам. Это бабуины сообщали нам о прибытии Эльсы.

Джордж считал, что мне лучше забраться в грузовик, пока львица не израсходует часть своей энергии на встречу с ним. Он по-настоящему опасался, что после долгой разлуки она с таким пылом набросится на меня, что может и поранить.

Я неохотно подчинилась. Посидела несколько минут в машине, потом вышла. Эльса как ни в чем не бывало подошла ко мне и, мяукая, принялась тереться мордой о мои колени. Потом, убрав когти, толкнула меня с такой силой, что я не удержалась на ногах. Словом, играла, как обычно, ничего особенного не устроила. Она заметно выросла и окрепла, желудок у нее был полон. Газель Гранта, которую привез Джордж, привлекла ее не сразу. К нашему удивлению, она вскочила на крышу новенького лендровера так же непринужденно, как здоровалась со мной. А ведь он был совершенно не похож на потрепанного старика, к которому она привыкла.

Мы решили поставить мою кровать в грузовике, а то еще Эльсе захочется лечь вместе со мной. И правильно сделали: как только погас свет, она пролезла сквозь изгородь вокруг моей бомы, подошла к грузовику, поднялась на задние лапы и заглянула в кузов. Однако удостоверившись, что я тут, улеглась рядом с машиной. Рано утром я услышала, как львица тащит газель к реке. Она охраняла тушу, пока Джордж не встал и не позвал меня завтракать. Тогда Эльса прибежала в лагерь и хотела с ходу прыгнуть на меня, но я крикнула:

— Нельзя, Эльса, нельзя!

Она умерила свой пыл и подошла ко мне спокойно. Пока мы ели, одна лапа Эльсы лежала у меня на коленях. Затем она вернулась к своей добыче.

Эльса жила с нами в лагере шесть дней, ходила на утренние и вечерние прогулки. Один раз мы видели, как она крадется к водяному козлу, который пришел на водопой. Львица замерла в очень неудобном положении, а потом, выбрав момент, бесшумно переправилась через реку и скрылась в буше. Вскоре она вернулась и стала тереться о нас головой, рассказывая про свою неудачу.

В другой раз нам попалась убитая антилопа дик-дик, на которой сидел крупный гриф. При нашем приближении птица улетела. Мы предложили Эльсе взять антилопу себе, но она с отвращением сморщила нос.

Пока Джордж ловил рыбу, я на берегу рисовала Эльсу. Когда я достала свои бутерброды, Эльса захотела непременно закусить вместе со мной и своими лапищами пыталась вытаскивать у меня куски прямо изо рта!

Львица не всегда соблюдала осторожность, и нам приходилось быть начеку, чтобы она не бросилась на нас из-за засады. Не очень-то приятно, когда на тебя с ходу прыгает такая дылда.

Однажды утром Эльса затеяла в воде веселую игру с палкой, которую ей бросил Джордж. Она хватала палку зубами, прыгала, плескалась, била о воду хвостом. Выронив палку, она ныряла за нею и гордо выплывала на поверхность. Джордж с берега фотографировал ее. Эльса делала вид, что ничего не замечает, а сама подбиралась все ближе и ближе... Вдруг она отбросила палку и прыгнула на него: «Вот тебе, фотограф!»

Джордж замахнулся, чтобы шлепнуть ее, но Эльса отскочила в сторону и ловко взбежала вверх по наклонному стволу дерева. Усевшись наверху, она с самым невинным видом стала облизывать лапы.

В последующие два дня Эльса навещала нас только изредка и вела себя очень сдержанно. 23 июля она не пошла с нами на утреннюю прогулку. Под вечер мы заметили ее на гряде недалеко от лагеря. А метрах в двадцати от нас — представьте себе наше удивление! — ничуть не боясь, суетились бабуины. Эльса неохотно откликнулась на наш зов, но все-таки спустилась к нам. Потом она быстро умчалась в буш. Мы шли за нею, пока не стемнело. Поздно вечером Эльса вернулась, позволила мне погладить себя, но ей явно не терпелось уйти снова. Ее не было всю ночь и весь следующий день, если не считать короткого посещения, когда она приходила поесть.

Вечером, когда мы сидели и разговаривали, вдруг явилась Эльса. Вся мокрая — только что реку переплыла. Приветливо поздоровалась с нами и принялась за еду. Но, обедая, она поминутно настораживалась, прислушиваясь к чему-то. К утру она исчезла. Что происходит? Признаков течки не было. Может быть, мы чересчур задержались? С той поры как началась вольная жизнь Эльсы, мы еще ни разу не оставались с нею так долго.

На следующий вечер, когда мы обедали, из темноты вдруг выскочила Эльса, смела хвостом со стола всю посуду, радостно обняла нас и опять убежала. Потом она появилась еще раз, точно хотела извиниться, и через минуту скрылась.

Утром мы увидели отпечатки лап крупного льва и поняли причину странного поведения Эльсы. После полудня, разглядев в бинокль парящих над одной точкой грифов, мы пошли разузнать, в чем там дело. Повсюду виднелись следы гиен и шакалов. Отпечатки

лап льва вели к реке. Он, несомненно, приходил сюда на водопой. На песке мы заметили кровавое пятно. Но следов Эльсы не было. Не было и остатков жертвы, так что мы не смогли понять, откуда эта кровь и почему здесь кружились грифы. Проискав шесть часов, мы вернулись в лагерь, так и не разрешив этой загадки. А вечером явилась Эльса, очень голодная. Она провела с нами ночь, но на рассвете снова исчезла.

29-го мы увидели ее на высокой гряде и стали звать. Наконец она спустилась к нам, ласково помурлыкала, потом опять поднялась на свою скалу. У нее была течка — этим объяснялось ее поведение. Позднее мы снова ходили к гряде, но на этот раз она отказалась спуститься, хотя и ответила на наш зов. Пришлось нам самим подниматься на скалы. Когда стемнело, Эльса встала и, точно прощаясь, потерлась об меня, Джорджа и оруженосца, потом медленно пошла к своему логову. Только один раз она обернулась, чтобы поглядеть на нас. На следующий день я увидела ее на скале в бинокль. Если бы Эльса умела разговаривать, она все равно не могла бы более убедительно дать нам понять, что просит оставить ее в покое. Как ни велика наша любовь к Эльсе, было ясно, что теперь она нуждается в обществе львов.

Мы решили уехать. Когда машины проходили мимо скалы, мы увидели на фоне неба силуэт Эльсы, она провожала нас взглядом.

Следующий раз мы пробыли в лагере с 18 по 23 августа. Эльса по-прежнему очень ласково относилась к нам, но из этих пяти дней два провела одна в буше. Мы не видели отпечатков лап других львов, но было очевидно, что она предпочитает одиночество нашему обществу. Что ж, для нее же лучше, если она научилась обходиться без нас.

29 августа Джордж отправился на объезд района, где обосновалась Эльса. Около шести вечера он

добрался до лагеря и решил там переночевать. Чтобы привлечь внимание Эльсы, Джордж выпустил две ракеты. Часов в восемь у реки послышалось львиное рычание. Тогда он выпустил одну ракету. Лев рычал всю ночь, но Эльса не пришла. Утром Джордж нашел возле лагеря отпечатки лап молодого льва и львицы. Потом Джордж должен был уехать, но к четырем часам дня вернулся снова. Через час из-за реки появилась Эльса, ласковая и здоровая. Она не была голодна, но все же погрызла немного антилопу, которую убил для нес Джордж, потом оттащила тушу в палатку. Едва стемнело, снова послышался голос льва. К удивлению Джорджа, Эльса не обратила на зов никакого внимания, хотя лев не унимался почти всю ночь.

Рано утром она хорошенько посла и не торопясь направилась в ту сторону, откуда доносилось рычание. Вскоре Джордж услышал ее голос, а потом увидел Эльсу на высокой скале. Заметив его, она спустилась вниз, радостно потерлась об него головой, но достаточно ясно показала, что он лишний, и ушла в буш. Джордж примерно догадывался, куда она направилась, и пошел за нею. Следы вели к гуще зарослей. Джордж некоторое время наблюдал за львицей. Она была чем-то обеспокоена и, не отрываясь, смотрела куда-то вдоль берега. Вдруг она замаякала, тьякнула, соскочила с камня и промчалась мимо Джорджа в буш. Мгновение спустя появился молодой лев. Он явно торопился вслед за нею и не заметил Джорджа. Когда лев был метрах в двадцати от него, Джордж решил, что пора действовать. Он закричал и замахал руками. Лев оторопел, повернулся и побежал обратно. Через несколько секунд появилась Эльса. Она присела на минутку рядом с Джорджем и тут же пошла за львом. Джордж вернулся в лагерь и уехал.

Через два дня ему снова надо было поехать в этот район. Когда до лагеря оставалось несколько сот

метров, один из его помощников увидел Эльсу. Она лежала под кустом у дороги, явно прячась от них. Очень странно! Обычно она бросалась навстречу машине и со всеми здоровалась. Может быть, они обознались? Джордж повернул машину обратно и убедился, что это действительно Эльса. В первый миг она не сдвинулась с места, но, поняв, что ее обнаружили, вышла и приласкалась к Джорджу, всячески стараясь показать, что рада ему, даже поела привезенного им мяса. Тем временем Джордж прошел по дороге, высматривая следы. Рядом с отпечатками лап Эльсы были следы другого льва. А вот и сам лев смотрит на него из-за куста. Как будто тот же самый, которого Джордж видел с нею в прошлый раз. И бабуины подняли гвалт у реки. Тоже обнаружили льва! Услышав шум, Эльса перестала есть и пошла искать своего господина и повелителя.

Джордж поехал дальше, разбил лагерь и, прежде чем отправиться по своим делам, оставил в палатке мясо для Эльсы. Когда он вернулся, мясо лежало на месте. Ночью Эльса не пришла.

---

notes

Примечания

1

Названия африканских стран и их административных единиц сохранены такими, какими они были в период путешествия автора. — Примеч. переводчика.

Прайдом называется союз трех и более львов. Он может включать одну или несколько семей, возглавляемых взрослыми, или несколько взрослых, которые охотятся вместе. — Примеч. авт.

З

Заросли, лесистые участки.

4

Скорее всего, она таким образом упражняла мышцы, втягивающие когти. — Примеч. авт.

Различают несколько видов мангустов, обитающих в Азии, Африке и Южной Европе. В данном случае речь, видимо, идет об ихневмоне (*Herpestes ichneumon*) — небольшом хищнике из семейства виверровых. Питается ихневмон мелкими позвоночными, в том числе и ядовитыми змеями, к яду которых зверек малочувствителен. Сравнение с лаской, однако, вызывает недоумение, так как ихневмон и все другие мангусты значительно крупнее.

6

Очень интересное наблюдение. Назначение этого явления — сделать следы более «пахучими», что облегчает животным нахождение других особей своего вида. Механизм его, однако, не совсем ясен.

Первоначально слово «бома» означало «укрепленное место». Теперь так называют и колониальный пост, и любое огороженное африканское поселение. — Примеч. авт.

До наших дней сохранились два древних первобытных вида охоты — с гарпунами на китов на маленьких лодках и охота пигмеев на слонов: воин забирается под брюхо зверя и колет его, потом возвращается к товарищам, и уже вместе они атакуют слона. — Примеч. авт.

К сожалению, вскоре оказалось, что мы надеялись напрасно. — Примеч. авт.

10

Бородавочник (*Phacochoerus africanus*) — наиболее распространенный в Африке представитель семейства свиней. Свое название получил из-за многочисленных утолщений кожи, напоминающих бородавки. Ведет ночной образ жизни, днем прячется в довольно глубоких норах, вырытых другими животными.

11

Когда я два года спустя зашла в Риме в зоопарк, то увидела, как самец после спаривания укусил львицу в лоб. В Лондонском зоопарке я наблюдала то же самое. Можно ли считать это случайным совпадением? — Примеч. авт.

12

Конго́ни (*Alcelaphus buselaphus*) — крупная антилопа из группы бубалов (семейство коровьих антилоп). Один из наиболее многочисленных видов крупных копытных. Рога короткие, довольно толстые, лирообразно изогнуты.

13

Топи (*Dataliscus corrigum*) — антилопа из группы бубалов. Во многом напоминает конгоны, но еще более многочисленна. Отличается черными пятнами на бедрах и более длинными рогами.

В Кении известны две разновидности львов. У *Felis leo massaica* желтая шкура, светлая грива. *Felis leo somaliensis* меньше размером, но у него более крупные уши, пятна на шкуре отчетливее, длиннее хвост. Эльса принадлежала ко второй разновидности. — Примеч. авт.

Мы долго недоумевали, почему Эльса не понесла, хотя, без сомнения, она встречалась со львом во время течки. Потом один специалист объяснил мне, что за четыре решающих дня самец оплодотворяет самку от шести до восьми раз в день, и, видимо, зачатие происходит только на четвертый день. Эльсе, скорее всего, помешала ревнивая львица, которая не могла допустить, чтобы супруг слишком много внимания уделял новенькой. — Примеч. авт.

Лагга — сухое русло. — Примеч. авт.